

Имя на закрытой двери

Николай Ляшенко

Глава 1 Лишний стул

Стул под Глебом сложился прежде, чем отец Веры успел спросить, сколько он зарабатывает.

Глеб удержался за край стола. Вилка звякнула о тарелку, из соусника выплеснулась тёмная капля. Сам стул остался стоять, только сиденье провалилось одним углом.

— Это я вчера винт вынул, — сказал Павел Зорин. — Нужен был для другого.

— Папа.

— А что «папа»? Я его к стене поставил.

— Я от стены взяла, — сказала Елена. — У нас обедают люди, не стены.

Вера отвернулась, но Глеб видел, как дрогнули её плечи. Он тоже засмеялся. Она посмотрела на него, проверяя, можно ли, и больше не сдерживалась. Под столом её пальцы на секунду сжали его локоть.

До этой минуты они оба слишком старались: Вера поправляла совершенно прямую скатерть, он боялся задеть что-нибудь на тесном столе. Теперь на манжете голубой рубашки темнел соус. Салфетку ему одновременно протянули Вера и её мать.

Павел принёс из прихожей табурет. Глеб хотел помочь убрать сломанный стул, но хозяин уже ухватил его за спинку.

— Не надо. Вы сегодня гость.

Слово прозвучало не грубо. Глеб всё-таки убрал руки со стула и сел, куда ему показали. Пирог, который он привёз, лежал на подоконнике в бумажной коробке. Ему вдруг очень захотелось, чтобы его здесь разрезали.

Ещё двадцать минут назад, стоя с пирогом у калитки, Глеб думал, что самое трудное в этом вечере — назвать Вере свою должность. Не ту, которую она знала. С инженерной работой всё было просто: они встретились на восстановлении старого конвейера, он приехал с инструментами и три дня ползал под станиной. Ни одно слово о себе, сказанное ей тогда, не было ложью.

Только за этими словами поместилось далеко не всё.

Пока он выбирал, как позвонить в дверь с занятыми руками, на телефоне появилась Рита.

«В среду финальное рассмотрение по Северному округу. Завтра сверяем пакет. Материалы отправила. Ты их открой, пожалуйста, не только сводку».

Следом пришёл файл. На первой странице, под названием промышленной группы «Мера», стояла фамилия Глеба Ветрова. Сооснователь. Двадцать восемь процентов. Эти проценты несколько лет приносили ему больше, чем он когда-либо рассчитывал заработать руками.

Он прочитал два пункта: закрытие нерентабельных площадок, передача освобождённых корпусов под реконструкцию. Ни одного знакомого адреса на первой странице не было. Только номера объектов.

«Прочитаю утром», — ответил он.

«Утром — это завтра», — уточнила Рита.

Он отправил утвердительный знак и погасил экран.

Вера открыла калитку раньше, чем он нажал звонок. Из рукава её терракотового свитера торчала тонкая медная проволочка.

— Не спрашивай, — сказала она, заметив его взгляд. — Я тоже не знаю, как она там оказалась.

— Мне надо тебе кое-что рассказать.

Она сразу перестала улыбаться.

— Ты женат?

— Нет.

— Уже хорошо.

Из дома крикнули, что картошка не может ждать до весны. Вера забрала пирог, поцеловала его в холодную щёку и сказала:

— Тогда после ужина. Пойдём, я тебя спасу.

Теперь она сидела рядом, и её колено иногда касалось его ноги под столом. Волосы были убраны в низкий узел; выбившуюся каштановую прядь она всё время заправляла за ухо. На кухне пахло запечённой рыбой, яблоками и чуть подгоревшей тканью. Последний запах тянулся от паяльника, который Павел только перед ужином унёс с подоконника.

— Значит, оборудование восстанавливаете, — сказал он, передавая Глебу хлеб. — А штат где?

— Сейчас езжу на отдельные объекты.

— Это я понял. Штат где?

Глеб положил хлеб на тарелку. Можно было ответить одним предложением. Назвать «Меру», объяснить долю, сказать, что оперативными делами обычно занимается Рита. Вера узнала бы одновременно с родителями, через стол, над рыбьим хребтом.

— У меня есть основная компания. Но последние месяцы я не каждый день в офисе.

— Он не на собеседование пришёл, — сказала Вера.

— Я и не нанимаю. Разговариваю.

— Тогда спроси, какую он рыбу любит.

— Я рыбу уже приготовила, — вмешалась Елена. — Поздно спрашивать.

Она подвинула Глебу блюдо. На её большом пальце темнело чернильное пятно, аккуратно обведённое краем пластыря.

— Работа есть — хорошо. Нет работы — тоже говорить надо. Вот о чём Павел.

Павел посмотрел на жену, потом на Веру, и разговор почему-то оборвался.

Глеб взял пустое блюдо и отнёс к раковине. Вера поднялась за ним с тарелками. У окна оказалось тесно; чтобы пропустить её, он прижался спиной к холодильнику. На дверце магнитом держалась фотография рыжей собаки, которой, как он знал, не было уже восемь лет.

— Не обращай внимания, — сказала Вера вполголоса.

— На стул или на штат?

— На то и другое.

— Я могу потом поставить винт.

— Не можешь. Он завтра понадобится папе ещё куда-нибудь.

Она сняла с его плеча крошку и показала на собаку.

— Она одна умела здесь ни перед кем не оправдываться. Даже когда съела мамины очки.

— Удобный семейный образец.

— Недостижимый. Мы все пытались.

Из-за стола Елена попросила ложки. Вера открыла ящик, перебрала их, зачем-то выбрала четыре одинаковые. За пять месяцев знакомства Глеб не видел, чтобы она так суежилась. На работе она могла спорить с директором завода; здесь проверяла, не осталась ли на ноже капля воды.

Он наклонился к ней.

— Я не собираюсь исчезать после этого ужина.

Она подняла взгляд.

— Я знаю.

Она произнесла это без улыбки, совершенно уверенно. Глеб провёл большим пальцем по её ладони. Вера уже думала о ложках, о матери за спиной, о чём-то ещё, для чего не требовалось его подтверждения. Он мог бы сказать сейчас. В этой тесноте, возле фотографии собаки, пока она держала его за руку.

— Идём, — позвала Елена.

Он выпустил Верину ладонь.

За окном темнел двор. На другой его стороне, за низкой оградой, стоял длинный кирпичный корпус бывшего депо. Между окнами сохранилась белая полоса, на которой когда-то было написано название автоколонны. Теперь горело одно окно. Вера сказала по дороге, что

мастерская занимает крайние две секции; там четыре мастера, а заказов иногда хватает на четырнадцать.

На столе возле локтя Павла лежал плотный конверт. Тот дважды передвинул его, освобождая место для тарелок, но в ящик не убрал.

— Ты завтра к открытию приедешь? — спросил он Веру.

— Как обычно.

— Антон хотел ещё зайти.

— Пусть приходит в рабочее время.

— Ему и в рабочее некогда.

— А мне некогда подписывать то, что он привёз, не читая.

Елена молча поставила чайник. Павел потянулся к конверту, но Вера накрыла его ладонью.

— Не сегодня. Мы договорились.

Глеб сделал вид, что рассматривает светильник над столом. Молочный стеклянный шар был перехвачен латунными полосами. Одну заменили недавно: она ещё не успела потемнеть.

— Твоя работа? — спросил он.

— Моя первая. Мне было семнадцать. Папа сказал, что криво.

— Я сказал, что шар висит криво. Это другое.

— Он до сих пор криво висит.

— Потому что ты не дала переделать.

Глеб поднял глаза. Шар действительно чуть клонился к окну. Вера положила руку ему на запястье, будто предостерегая от попытки немедленно восстановить справедливость.

Елена разрезала пирог. Нож дошёл до середины, когда за окном два раза мигнуло окно мастерской.

Вера встала раньше остальных.

— Я стенд не оставляла.

Из корпуса донёсся короткий металлический удар.

Павел уже был в прихожей. Он прошёл мимо пальто, схватил с гвоздя связку ключей. Вера сунула ноги в ботинки, не развязывая шнурков, и сдёрнула с вешалки зелёную куртку. Глеб оставил на столе телефон и пошёл за ними.

У входа в мастерскую пахло мокрой известью. Под дверью блестела узкая полоска. Павел повернул ключ и, толкнув дверь, замер.

В дальней части помещения вода падала с потолка прямо на испытательный стол. С лотка для деталей она стекала на пол. Один из подвесных светильников лежал боком; второй качался на крюке, мерно задевая соседний плафон.

— Я же говорил им про трубу, — сказал Павел.

К его воротнику прилипла хлебная крошка. Глеб смотрел на неё, пока Павел пытался разглядеть, что упало, и почему-то не мог отвести глаз.

Он шагнул было внутрь, но Глеб придержал его за локоть.

— Подождите. Здесь питание не снято.

Павел дёрнул рукой.

— Я знаю, где щит.

— Он в сухом проходе? Отсюда видно?

Вера посветила телефоном. За водой, на другом конце помещения, белела дверца.

Глеб не отпустил рукав.

— Туда сейчас не надо. Вызовите аварийную. И электрика, чтобы отключили снаружи.

— Там заказ на понедельник.

— Я вижу.

— Не видите вы. Там плафоны вручную выдуты. Одного не станет — весь комплект встанет.

Павел говорил тихо, отчего Глебу было труднее удерживать его, чем если бы он кричал. В глубине мастерской вода лилась на деревянный ящик, обёрнутый сверху прозрачной плёнкой. Плёнка провисала; в ней уже собралась тяжёлая мутная лужа.

Вера достала телефон.

— Пап, назад. Сейчас.

Он посмотрел на неё. Она не повторила. Набрала номер и стала диктовать адрес, чётко отделяя слова, хотя свободной рукой сжимала край куртки.

Глеб увёл Павла на ступени. Елена принесла из дома пальто и без разговоров накинула мужу на плечи. Второе предложила дочери, но Вера только плотнее застегнула зелёную куртку. Глебу досталась тёмно-серая шерстяная кофта, колючая даже через рубашку.

Они ждали под козырьком, слушая воду за дверью. На рукаве Вериной куртки лежал маленький белый осколок. Она сняла его, поняла, что это всего лишь штукатурка, и разжала ладонь. Павел каждые полминуты смотрел на часы.

— Могли хотя бы ящик оттянуть, — сказал он.

— Могли, — ответил Глеб. — Но я не знаю, что там под водой.

— А я знаю. Я тут тридцать лет.

Глеб отпустил его рукав. Пальцы ещё помнили, с какой силой старик тянулся внутрь. Теперь Павел стоял рядом и никуда не шёл. Это послушание было хуже спора.

За дверью что-то снова звякнуло. Все трое повернули головы.

Вера стояла у стены и звонила кому-то ещё.

— Лёша, не приезжай. Слышишь? Не приезжай сюда, мы разберёмся. Да, твой инструмент на верхней полке. Я потом напишу.

Она завершила звонок, смахнула дождевую каплю со лба и посмотрела на Глеба.

— Скажи, что-нибудь можно будет включить завтра?

— Пока не знаю.

Она кивнула и убрала телефон в карман. Только со второй попытки: мокрая подкладка цеплялась за угол чехла. Глеб хотел помочь, но Вера уже справилась.

— Я им завтра обещала показать свет, — сказала она. — В читальном зале. Они столы переставили.

Он не нашёл ответа, который не прозвучал бы обещанием.

Аварийная машина приехала через двадцать семь минут. Глеб успел выучить скол на бетонной ступени и перестал чувствовать кончики пальцев. Двое рабочих ушли за угол корпуса; пожилой электрик с сумкой проверил ввод, потом сухую часть помещения. Павел двинулся следом, но Вера встала у него на пути.

— Сначала они.

Из глубины долетели чужие короткие голоса. Вода стала падать реже, затем оборвалась совсем. Осталось только капанье из намокшей потолочной обшивки.

Когда электрик разрешил войти в ближнюю секцию, Вера сразу начала выносить коробки. Не хватала подряд: прочла бумажку на первой, поставила у двери, взяла вторую. Глеб подхватывал и нёс на сухой стол в приёмной. Павел раскладывал сверху детали, молча пересчитывая их губами. Дойдя до конца, начинал снова. Елена поставила рядом пустой поднос и стала перекладывать на него то, что он уже проверил.

В третьей коробке лежали шесть маленьких латунных птиц с раскрытыми крыльями. Одна была без головы.

— Это не сейчас, — сказала Вера, заметив его взгляд. — Она такая приехала.

— Я ничего не сказал.

— Ты так посмотрел, будто тебе придётся её оживлять.

Он осторожно освободил край крыла от мокрой бумаги.

— Где голова?

— В коробочке от крема. Только не открывай над полом.

У неё дрогнули губы. Потом в руках размокло дно коробки.

Глеб успел подставить ладони. Тяжёлое стекло легло в них холодным полушарием. Вера удержала второй плафон у живота, прижав курткой.

Несколько секунд они стояли близко, каждый со своей половиной плафона. У Веры задрожала нижняя губа. Она прикусила её, посмотрела на целое стекло в его руках, и только тогда выдохнула.

— Держишь?

— Держу.

Она кивнула, но разжать пальцы смогла не сразу.

— Вот, — сказала она. — Знакомство с родителями состоялось.

— Я обычно сразу спрашиваю, где у вас тут потоп.

— Надо было спросить раньше.

Он отнёс плафон на стол. Внутри стекла была крохотная пузырчатая дорожка, похожая на след улитки. Вера провела по ней пальцем снаружи.

— Это для читального зала. Семь штук. Они хотели купить новые, одинаковые. Я уговорила оставить старые.

— А восьмой?

— Там семь окон. Восьмой не нужен.

Она придерживала стекло обеими ладонями, хотя оно уже устойчиво лежало на столе. Глеб представил пустой читальный зал, сдвинутые столы, семь тёмных мест под потолком. Утром Вере придётся туда позвонить. Он посмотрел на целый плафон и впервые за вечер обрадовался тому, что сумел сделать, не собираясь ничего добавлять.

Павел вернулся с электриком. Работать в дальней секции тот запретил до осмотра и просушки. Вера записала его слова на обороте старой накладной, уточнила, кому звонить утром. Глеб заметил две перекошенные опоры стеллажа, но не стал обследовать их сам: показал из прохода и попросил включить в завтрашнюю проверку.

Павел проводил бригаду. Елена ушла разогревать чай. Они с Верой остались в приёмной среди спасённых коробок.

— Ты хотел что-то рассказать, — напомнила она.

Глеб посмотрел на её руки. Костяшка указательного пальца была содрана, на рукаве темнела вода.

— Хотел.

— Только не говори, что нам нужен ремонт. Это я сегодня поняла.

Он взял со стола чистую салфетку и протянул ей.

— Вера, у меня работа устроена немного иначе, чем я тебе объяснял.

Во дворе Павел позвал дочь. Спрашивал, где оставить ключ от бокового входа для утренней бригады.

— Сейчас, — отозвалась она. — Я на минуту.

Когда дверь закрылась, Глеб остался с невысказанной фразой и салфеткой, которую она так и не взяла. Он разгладил её на столе. На белой бумаге проступили мокрые отпечатки пальцев.

Над письменным столом висела пробковая доска. Квитанции, фотография молодого Павла у токарного станка, список заказов. В углу — два листа, приколотые одним красным флажком. Нижний намок по краю.

Глеб сначала узнал не эмблему.

Он узнал собственную поправку: «при отсутствии экономически обоснованного плана продолжения деятельности». В исходном варианте было «при отсутствии перспектив». Он сам заменил туманное слово. Даже помнил стол в переговорной, остывший кофе справа от ноутбука и то, как Рита попросила ещё раз проверить приложения. Он ответил, что формулировку проверил.

На верхнем листе стояло: «Мера. Уведомление о прекращении эксплуатации объекта С-14». Адрес — тот самый, который Вера диктовала по телефону. Ниже предлагалось до полудня среды представить возражения. Понедельник, вторник, среда. Три рабочих дня.

Под уведомлением была копия решения шестинедельной давности. Список корпусов. Дата. Его подпись под словами «Утверждаю программу».

За дверью Вера смеялась чему-то, что сказал отец. Ключи тихо звякнули о стекло.

Глеб поставил мокрую коробку на пол. Она была почти пустая; он всё ещё носил её с места на место.

Он снял красный флажок. Мокрый край бумаги прилип к доске, и Глеб отделял его медленно, ногтем, боясь порвать именно там, где начинался список корпусов. За дверью Вера сказала отцу: «Я сама открою». Сейчас она вернётся. Посмотрит на него так же, как у холодильника.

Он перевёл глаза к нижней строке.

Лист остался у него в руках. Подпись была настоящая.

Имя на закрытой двери

Николай Ляшенко

Глава 2 Три рабочих дня

В понедельник мастерская открылась без права работать.

К восьми утра Вера успела отказать двум заказчикам и собственному отцу. Первые согласились перезвонить. Павел остался у двери в дальнюю секцию, держа под мышкой пустой ящик.

- Я за инструментом.
- Электрик приедет через десять минут.
- Он мой инструмент не узнает.
- Тогда ты ему покажешь.

Глеб остановился на пороге. Вера стояла спиной к нему, перегораживая проход; тёмно-зелёная куртка висела на гвозде, под фартуком был вчерашний терракотовый свитер. Она ещё не заметила его. На полу подсыхали следы, и он поставил ботинок точно в свой вчерашний отпечаток.

Павел опустил ящик.

- Доброе утро, — сказал Глеб.

Вера обернулась. На секунду её лицо стало таким, каким он привык его видеть до вчерашнего ужина. Она подошла, поцеловала его в щёку и сразу спросила:

— Ты завтракал?

— Да.

— Врёт, — сказал Павел. — У него вид человека, который кофе запил кофе.

Вера потянулась снять с Глеба кофту.

— Я её вернуть привёз, — объяснил он.

— Тогда сними.

— Холодно.

— Значит, пока не вернул.

Она оставила его в отцовской шерстяной кофте и прижалась лбом к его плечу. Ненадолго, ровно настолько, чтобы он успел обнять её. Потом из приёмной позвали, и Вера пошла смотреть коробку, на которой размыло номер.

Глеб поправил манжету чистой голубой рубашки. Ночью он долго тёр вчерашнее пятно, пока не понял, что стоит у раковины уже двадцать минут. Рубашку пришлось оставить сушиться. Спал он меньше трёх часов.

Когда вчера Вера вернулась в мастерскую, уведомление уже висело на месте. Она увидела его у доски и сказала, что Антон привёз бумаги в пятницу: отец сунул конверт под счета, а ей показал только в воскресенье. Глеб спросил, есть ли копия. Она обещала сделать утром. Он мог назвать «Меру», свою долю, дату решения. Вместо этого сказал, что завтра посмотрит внимательнее.

Никто не мешал ему договорить. Вера стояла рядом и ждала.

Теперь копия лежала на столе, прижатая катушкой провода.

В сухой приёмной стало теснее, чем вечером. Спасённые вещи занимали стулья, подоконник и полку, на которой раньше стояли чашки. Молодой мужчина в выцветшей толстовке снимал с мокрой коробки бумажную наклейку; пожилая женщина в очках держала под ней чистую ладонь, чтобы не потерять размокшие клочки.

— Лёша, — сказала Вера, показывая на мужчину. — Тот самый, которого я вчера не пустила сюда ночью. А это Тамара Львовна. Глеб.

— Мы уже поняли, — ответила Тамара Львовна. — Павел три раза рассказал, как вы его за рукав держали.

Павел поставил ящик под стол.

— Один раз рассказал.

— Мне один. Остальных я не считала.

Глеб освободил край стола. Лёша придвинул к нему коробку.

— Подержите, пожалуйста. Снизу, только не за бока.

Он послушался. Внутри оказался разобранный механизм с двумя латунными колёсиками. Лёша вытащил последний клочок этикетки и, не выпрямляясь, прочитал фамилию.

— Сорокин. Музыкальная шкатулка. Она и до воды не играла, если что.

— Запиши, что промокла упаковка, — сказала Вера. — Сам механизм отдельно проверим.

— Я же вижу.

— Заказчик не видит.

Лёша взял ручку. Глеб держал коробку, пока тот писал, и смотрел, как Вера переходит от одного стола к другому. Он знал её работу по заводским выездам, где всё необходимое приезжало в двух сумках. Здесь у каждого предмета было место, хотя сейчас почти ни один не стоял на своём. Вера замечала это сразу. Кофейную мельницу велела убрать подальше от стекла, крышку от деревянного футляра нашла под папкой, чужую подставку вернула Павлу, даже не оборачиваясь.

Их было четверо мастеров. Павел занимался механикой; Лёша — приводами и мелкими устройствами; Тамара Львовна восстанавливала деревянные корпуса. Вера брала светильники и то, что никто не мог решить, куда отнести. Елена принимала заказы. Она сидела у входа в пальто, потому что дверь всё время открывалась, и переписывала номера из мокрых квитанций.

На доске над ней висел календарь. Понедельник был обведён зелёным, вторник — синим. На среде ничего не стояло.

Глеб потянул к себе уведомление.

— Можно?

— Бери, это тебе копия, — сказала Вера.

На её листе полуденный срок среды был подчёркнут дважды. Поле рядом занимали три короткие записи: «акт», «заказы», «что разрешат». На его листе было чисто.

— В пятницу привезли? — переспросил он.

— Вечером. Очень удобно: два дня все отдыхают, потом три дня разбираются.

— Рассмотрение в среду утром. Возражения можно передать заранее.

— Я прочитала.

Он кивнул. Она забрала со стола карандаш и заткнула за ухо. Глеб поймал себя на желании объяснить порядок подачи, которым сам никогда не пользовался с этой стороны стола.

На улице хлопнула дверца машины.

Приехавший электрик оказался не тем, кто работал ночью. Невысокий, с седой полосой в бороде, он представился Борисом Ильичом, выслушал Веру и первым делом попросил убрать пустой ящик из прохода. Павел поднял его, словно всё утро только этого и ждал.

— Вы от управляющей? — спросила Вера.

— Нет. Вы звонили в нашу службу. На прошлой неделе в соседнем корпусе работали.

Она показала ему вчерашнюю запись на обороте накладной. Борис Ильич прочёл, посмотрел в дальнюю секцию и попросил всех остаться в приёмной.

Глеб сообщил про опоры стеллажа. Электрик записал и сказал, что это должен смотреть другой специалист. Глеб отступил от двери. Ему хотелось пойти следом, хотя бы увидеть объём повреждений, но полезнее от этого он сейчас не становился.

Они ждали, разбирая то, что уже вынесли. Тамара Львовна отделяла мокрую бумагу от деревянной крышки тонкой кистью. Лёша всё чаще смотрел в сторону своего рабочего места. Павел переставлял ящик с ноги на ногу и наконец сел на него.

— На него тоже винта не хватит? — тихо спросила Вера.

— Этот я сам делал. На века.

— Нам до среды хватит.

Она положила ладонь ему на затылок. Отец потер лицо обеими руками.

Из-за стеллажа донеслись шаги. Все подняли головы раньше, чем показался электрик.

Он не стал говорить ни «повезло», ни «ничего страшного». Объяснил, что дальняя секция остаётся закрытой для работы. Вчерашнее отключение не делает мокрое оборудование исправным; одного просохшего пола недостаточно. По ближней секции будет отдельное заключение после проверки. Пока здесь можно разбирать и упаковывать спасённое, не подключая оборудование.

Вера задала ему ещё несколько вопросов. Глеб услышал, как она проверяет каждый ответ: что записать заказчикам, кого ждать следующим, куда нельзя заходить даже за коробкой. Он видел такую Веру на заводе. Тогда ему нравилось, что рядом с ней всё быстро становилось понятнее. Сейчас она спросила, сколько займёт полное обследование, и Борис Ильич развёл руками. Вера закусила щеку, кивнула и перешла к следующему вопросу. Он знал это движение: она удерживала слова, которые всё равно никому не помогли бы.

— На завтра рассчитывать? — спросил Лёша.

— На заключение — да. На включение пока не обещаю.

— А если только стенд? — Павел указал в глубину.

Борис Ильич посмотрел на него, потом на Веру.

— Я вам сейчас напишу, что проверил и что нет. Чтобы не получилось, что я ушёл, а каждый услышал своё.

Он достал бланк. Вера пододвинула ему сухую папку.

Глеб взял с края стола красно-белую ленту, спросил, где обозначить границу, и натянул её между стойками. Павел смотрел на полосатую преграду без выражения. За ней, всего в четырёх шагах, стоял его станок. На маховике висела тряпка, которой он протирает руки. Ничего особенного — серая, с вытертым до ниток краем.

— Я её вчера там оставил, — сказал Павел.

Никто не спросил, что именно.

Глеб завязал второй конец ленты. Узел получился слишком тугим, и он зачем-то начал его ослаблять.

— Достаточно, — сказала Вера.

Он отпустил ленту.

Елена сняла с календаря зелёную кнопку и пододвинула дочери телефон.

— Читальный зал. Я сказала, что ты перезвонишь.

Вера посмотрела на семь свёртков вдоль стены. На самом широком остался тёмный полукруг от её вчерашней мокрой ладони.

— Сейчас.

Она набрала номер и отошла к окну. Не в другую комнату: свободной другой комнаты не было.

— Марина Сергеевна, добрый день. Это Вера Зорина. Нет, машина сегодня не приедет. У нас ночью авария... Нет, стекло цело. Но проверку мы закончить не можем.

Она слушала, прижав телефон к уху. Карандаш выпал из волос. Глеб поднял его и положил на стол.

— Я понимаю. Вы зал подготовили. Да.

Тамара Львовна перестала шелестеть бумагой. Вера повела плечом, будто от этого могла стать тише чужая речь.

— Дату сейчас не назову. Завтра к трём скажу точно, где будем заканчивать. Если не сможем — обсудим возврат.

У стола Елена подняла глаза.

— Не надо пока ничего покупать, пожалуйста, — сказала Вера, и в её голосе впервые появилась просьба. — Дайте мне до завтра. Я сама позвоню, вам не придётся меня искать.

Она положила телефон экраном вниз. Под ним остался карандаш; аппарат качнулся, и Вера выдернула карандаш так резко, что тот упал снова.

— Отказались? — спросил Павел.

— Пока нет.

— Значит, сделаем.

— Папа.

Он замолчал. Она опустилась на край табурета, но тут же встала: под ней лежала чья-то крышка. Подняла её, поискала место и остановилась посреди приёмной.

Глеб принял крышку из её рук.

— Сюда?

Она указала подбородком на полку.

— Спасибо.

Он поставил крышку. Хотел предложить ей другое помещение, людей, машину, — любое из решений, за которыми стоял телефон в его кармане. Пока он молчал, каждое из них казалось простым.

— Я могу остаться до обеда, — сказал он.

— А твои объекты?

— Сегодня могу.

— Хорошо. Тогда помоги составить список того, что мы способны делать без дальней секции. Только не оптимистический.

Она улыбнулась, но Глеб не успел ответить: Вера уже подозвала остальных.

Список писали на обороте ненужного плаката. Павел назвал две работы, Лёша — одну. Тамара Львовна предложила забрать домой мелкую ручную работу, если удастся перевезти сухие материалы. Вера вычеркнула из списка Павла операцию, для которой нужен был станок за лентой.

— Там пять минут, — сказал он.

Она молча положила рядом заключение электрика.

— Понял, — сказал Павел.

Глеб записал оставшееся. Получилось мало. Он перевернул лист, будто с другой стороны мог найти ещё место для работы, а не для слов.

— Шкатулку Сорокина, — напомнил Лёша.

— Ты сказал, надо проверить.

— Ручную сборку могу делать. После осмотра.

Вера кивнула. Глеб добавил строку.

Потом она разложила перед ним квитанции. Читальный зал, два частных заказа, ремонт привода для пекарни. Несколько вещей давно ожидали детали. Один клиент не отвечал с августа; другой звонил каждые два дня. Здесь не было одинаковых папок с ровными названиями. Вера помнила, кому можно предложить отсрочку, а кому вещь нужна к годовщине свадьбы.

— В акте написано, что нас обследовали, — сказала она. — Я хочу понять, что именно. Если только стены, зачем там вывод о работе мастерской?

Она положила рядом уведомление.

— «Отсутствие подтверждённой загрузки». Вот это кто определил?

Глеб прочёл строку. Вчера он видел только свою поправку и подпись. Остальное существовало по краям, как обстановка комнаты, в которую вбежал за одной вещью.

— Вам присылали запрос по заказам?

— Мне — нет. Мам?

Елена сняла очки.

— Приходили смотреть помещения. Бумаги по аренде просили. Книгу заказов — нет.

— И мне не предлагали, — сказал Павел. — Я бы показал.

Вера собрала квитанции в стопку и постучала нижним краем о стол. Несколько намокших листов не выровнялись.

— Значит, попрошу весь акт. Не эту страницу с выводами. И сведения о том, на основании чего они их сделали.

— У Антона? — спросила Елена.

— У того, кто подписал уведомление. Антону копию.

Она села за старый ноутбук. Глеб видел пустое поле адресата и её отражение в тёмной полосе экрана. Мог назвать нужного человека сразу. Вместо этого спросил, куда предлагали отправлять возражения.

Вера нашла адрес внизу листа.

— Сначала отправлю запрос. Потом соберём заказы, расходы, всё. Три дня — это хоть сколько-то.

Лёша поднял глаза от коробки.

— До среды нас не закроют?

Вера не ответила сразу.

— Сегодня в дальней секции мы и так не работаем. С остальным надо разбираться. Я не знаю, что будет в среду.

— Мне машину забронировать? Для инструмента.

Павел развернулся к нему. Лёша не отвёл взгляда.

— У меня свой ящик. Я не ухожу. Но если скажут выносить, машина в тот же час не появится.

— Узнай условия, — сказала Вера. — Пока без заказа.

Лёша кивнул и вышел позвонить.

Глеб смотрел, как Павел освободил для него место у стола, хотя Лёши рядом уже не было. Подвинул ящик, убрал локоть. Потом заметил это и взялся за квитанции.

Телефон в кармане Глеба коротко завибрировал.

Рита: «Ты открыл вчерашний пакет? В одиннадцать сверка».

Он отвернулся к окну. Написал: «Нужен первичный отчёт по С-14. Полностью, со всеми приложениями, который был к нашему решению. Не новая сводка».

Ответ пришёл почти сразу: «Почему именно С-14?»

Пальцы остановились над экраном. Он набрал: «Здесь работает Вера».

Посмотрел на имя. Стер всю строку.

«Я на объекте. Вчера была протечка. Хочу сравнить основания».

«Протечку уже внесли в оперативную сводку. Первичный подниму. Где ты?»

«В мастерской. До одиннадцати отвечу».

Он убрал телефон. Рита не знала о Вере. Она всё равно потребует объяснения — и он объяснит, по крайней мере ей. Эта маленькая уступка самому себе позволяла не произносить вслух главное сейчас.

Вера закончила письмо и повернула ноутбук к матери.

— Прочитай, пожалуйста. Я там не нагрубила?

Елена прочла, двигая губами.

— Последнее предложение убери.

— Какое?

— Про то, что ответ желательно получить до сноса здания.

Вера закрыла глаза. Потом стёрла строку и нажала «Отправить».

Глеб дождался, пока Елена отойдёт к телефону, и коснулся Вериной руки.

— Давай сегодня поговорим. Вечером, когда закончишь.

Она посмотрела сначала на его пальцы, потом ему в лицо.

— Про твою работу?

— Да.

— Это плохо?

Он почувствовал, как у неё под ладонью напряглось запястье.

— Это то, что я должен был сказать раньше.

Она не убрала руку.

— Скажи сейчас.

В приёмной было слышно, как Тамара Львовна разрезает чистую упаковочную бумагу. Елена говорила по телефону у входа. Павел сидел за соседним столом спиной к ним. Никто не звал ни его, ни Веру.

Глеб мог сказать негромко. Одной фразой начать то, для чего не требовалось ни отчёта, ни свободного вечера.

— Мне нужно сначала кое-что выяснить.

Вера осторожно высвободила ладонь.

— Я сегодня не знаю, когда закончу.

— Я подожду.

— Только давай без «потом как-нибудь». Я всё равно буду думать.

— Сегодня.

Она кивнула и потянулась за следующей квитанцией. На секунду задержала руку над стопкой, выбирая, с какой начать. Глеб видел, что она уже думает о том, чего он не сказал. Он хотел оставить ей спокойное утро, а оставил ещё одну вещь, которую надо было держать в голове.

Он вернулся к списку работ. Нашёл пропущенный номер заказа, дописал дату, проверил, что его почерк можно прочесть. Вера говорила с Лёшей о машине. Тамара Львовна попросила у Павла сухую ткань, и тот достал её из кармана. Обычный рабочий день продолжался в той части помещения, где им пока разрешили стоять.

Без десяти одиннадцать Рита прислала файл.

Глеб открыл его на телефоне. Сначала шли знакомые фотографии корпуса, затем таблицы. Он увеличивал страницы, сдвигая изображение большим пальцем. Раздел по помещениям был подробным: состояние перекрытий, участки, требующие обследования, ограничения. Для дальней секции рекомендовалась отдельная проверка. Этой страницы он раньше не открывал.

Дальше начиналось приложение по арендаторам.

Глеб открыл второй файл — краткую сводку, сохранённую перед тем заседанием шесть недель назад. В строке С-14 стояло: «Подтверждённая загрузка отсутствует. Сохранение действующей мастерской экономически нецелесообразно».

В полном приложении напротив той же мастерской было написано другое.

«Сведения о действующих заказах у арендатора не запрашивались. Оценка возможности продолжения деятельности не завершена».

Он вернулся к первой странице. Проверил номер корпуса. Потом дату пакета. Та же.

С экрана исчезали последние строки, когда он переходил из одного файла в другой. Он сделал снимки обеих страниц и положил их рядом на экране. «Не завершена». «Нецелесообразно».

— Глеб, эту тоже внеси, — сказала Вера.

Она положила перед ним квитанцию. Верхний угол высох волной, под фамилией заказчика расплылся синий кружок печати. Вера разгладила бумагу ладонью и отошла.

Он посмотрел на квитанцию, затем на приложение, где было написано, что этих сведений не спрашивали.

Следом за сводкой шла копия решения. Дата. Номер программы. Под словами «Утверждаю программу» стояла его подпись.

Глеб переслал Рите обе страницы.

«Нужна история этого документа. Со всеми правками — в том числе моими».

Он нажал «Отправить» и взял квитанцию, которую оставила Вера. На ней ещё не высох отпечаток её пальца. В сводке этот заказ не существовал.

Имя на закрытой двери

Николай Ляшенко

Глава 3 Номер заказа

Вера узнала свою бумажку раньше, чем прочитала акт.

На фотографии был виден край испытательного стенда, тёмный привод и белый ярлычок, привязанный к корпусу. Вера наклонилась к экрану. На ярлычке различалась буква «М», а дальше цифры сливались в серую полоску.

— Это мы писали, — сказала она.

Глеб отложил квитанции. Ответ на Верин утренний запрос пришёл двумя файлами: акт и лист фотографий. Про заказы в письме ничего не было. Их попросили представить сведения отдельно.

— Что там?

— Номер нашей работы. Только я не вижу, какой.

Она увеличила страницу. Привод превратился в несколько мутных прямоугольников. Вера попробовала ещё раз и получила огромную белую точку.

— Очень убедительно нас обследовали. Особенно вот эту точку.

— Запроси исходный снимок.

Она уже писала ответ.

Глеб посмотрел на часы. Без двух минут одиннадцать. На телефоне горело приглашение к свертке. Он поднял телефон, привлекая Верину внимание.

— Мне надо ответить по работе. Я во дворе.

— Иди. Я пока разберусь.

Он вышел, прикрыв за собой дверь. Дождь закончился; под козырьком лежала старая газета, приклеенная к бетону водой. Глеб поставил на неё ногу и услышал в наушнике голос Риты.

— Ты снимки прислал. Я вижу расхождение. Но менять пакет перед средой без основания мы не будем. Что ты установил на месте?

— Работают четыре мастера. Заказы есть. Сведения по ним никто не запрашивал. Вера сейчас собирает...

Он остановился на имени.

— Кто?

— Руководитель мастерской.

Рита помолчала.

— Хорошо. Пусть отправит по общему адресу, с номерами и сроками. По зданию?

Он рассказал про протечку и ограничения электрика. Рита уточнила, есть ли письменное заключение, и попросила не смешивать вчерашнюю аварию с тем, на основании чего приняли решение шесть недель назад.

— Мне нужна история сводки, — сказал Глеб.

— Подняли. Техническую часть ещё проверяют. Твоё согласование сейчас перешлю.

— Я не о том, моя ли подпись.

— Я поняла. Ты попросил все правки, включая свои.

Файл пришёл во время разговора. Под коротким письмом Глеба стояла дата: тот самый день, когда он вернулся с заводского объекта и хотел поскорее закончить с почтой. «Формулировку исправил. По составу площадок замечаний нет».

Ниже был прикреплён пакет. Не одна сводка. Все приложения.

— Открывается? — спросила Рита.

— Да.

— Я в час освобожусь. Нужны факты, которые мы сможем предъявить, а не только твоё впечатление от людей.

— Будут.

Он снял наушник. Подошва оторвала от газеты узкую мокрую полосу. Глеб соскрёб её о край ступени, потом ещё раз перечитал собственное письмо. Ему не прислали неполный пакет. Он выбрал короткий.

Внутри Лёша освобождал большой стол. Вера нашла на фотографии ещё одну надпись — номер самого привода. В приложенной описи две последние цифры были переставлены местами.

— Это может быть обычная ошибка, — сказал Глеб.

— Может. Поэтому я и хочу сверить, а не сразу ругаться.

Она попросила Лёшу достать паспорт стенда. Тот открыл нижний ящик сухого шкафа и вынул четыре одинаковые зелёные папки.

- Которая из них?
- На которой написано «стенд».
- На всех написано «разное».
- Тогда ту, где разное про стенд.

Лёша положил перед ней всю стопку.

Глеб взял верхнюю. В ней лежали инструкция к давно выброшенному чайнику, несколько гарантийных талонов и фотография новогоднего стола. На обороте фотографии были записаны размеры полки. Он хотел переложить её отдельно, но Вера придержала за край.

- Не потеряй. Полку до сих пор надо сделать.

Они нашли паспорт в третьей папке. Номер на нём совпал с надписью на фотографии, а не с описью. Вера записала расхождение на отдельном листе и поставила рядом маленький вопросительный знак.

- Лёша, муфту здесь когда меняли?
- Летом. В конце.
- До осмотра или после?

Он потянул к себе лист с датой.

- Не помню. Надо в журнале смотреть. Я её после сборки ещё раз открывал.
- Зачем?

- Шумела. Другая втулка понадобилась.

Павел поднял голову от стола.

- И потом всё нормально было.
- Я и не говорю, что ненормально. В журнале есть.

Вера повернула к себе ноутбук. Возле фотографии стояло: «Повреждение корпуса муфты. Следы повторного вмешательства. Эксплуатационная надёжность узла не обеспечена».

- Нам не надо доказывать, что тут никогда ничего не ломалось, — сказала она. — Мне нужен номер работы и дата.

Павел поджал губы. Лёша присел у шкафа, вынул ещё две папки и старую коробку от бумаги.

Исходного снимка пока не было. Глеб встал у прохода и посмотрел на оборудование за лентой. Он мысленно отделял то, что можно перенести, от того, что придётся оставить. Небольшой стол, инструментальные ящики, переносные стойки. Испытательный стенд был закреплён у стены; привод можно было снять отдельно, но сначала требовался осмотр. Вера обещала заказчице ответ завтра, и каждая лишняя операция съедала часть этого времени.

Глеб поднял телефон и снял общий вид. Потом повернулся к переносной стойке, которую вчера вынесли в приёмную, и приблизил табличку. Он шагнул вбок, выбирая угол, и почувствовал, что кто-то встал рядом.

Павел закрыл табличку ладонью.

- Для кого снимаете?
- Глеб опустил телефон.
- Хочу понять, что можно вывезти.
- Уже?

— Если понадобится временная площадка.

— И кому отправите?

Глеб собирался спросить у знакомого инженера о подходящем оборудовании на замену. Потом — у подрядчика, который мог оценить сроки ремонта. Обычно между такой мыслью и первым звонком не требовалось ничего разрешения. Здесь Павел держал ладонь на табличке, и отодвинуть его вопрос, как коробку с прохода, не получалось.

— Пока никому.

— А зачем тогда год выпуска спрашивали?

— Чтобы определить исполнение.

Глеб вспомнил, что спросил об этом у Лёши, пока Вера разбирала папки. Ещё спросил, какие машины принадлежат мастерской, а какие взяты в аренду. Теперь оба вопроса вернулись в чужом порядке и означали другое.

— Антон тоже начал с того, что можно вывезти, — сказал Павел. — Потом оказалось, что всё лучше оставить и не мешать.

Лёша перестал вытаскивать бумаги. Вера поднялась из-за стола.

— Папа, мы составляли список для возражений.

— Ты составляла. А он что составляет?

Павел смотрел только на Глеба.

— Вы покупателей знаете?

— Я не оцениваю ваши станки для продажи.

— Я не спросил, оцениваете ли. Я спросил, знаете ли.

С заднего двора донёсся грохот пустого контейнера. Все трое невольно повернулись к окну; почти сразу снова посмотрели друг на друга. Отступить из разговора было некуда.

Глеб знал покупателей промышленного оборудования. Знал людей, которые могли за вечер прислать цену на весь ряд станков, не видя Павла и его тряпки на маховике. Иногда от него требовалось всего лишь разрешить Рите вести переговоры. Но к этому утру ни один такой человек отношения не имел.

— Знаю, — сказал он. — Я долго работаю с оборудованием. Снимки для продажи я не делаю и никому не отправлял.

— А для чего делаете, объяснить трудно?

Можно было назвать свою компанию и сказать, почему он ищет выход из чужого решения так, словно отвечать придётся ему. Глеб почувствовал, что Вера ждёт ответа рядом с отцом.

— Я хотел узнать, где взять замену стенду на несколько дней. Для вашего заказа. Надо понимать, что у вас установлено.

Это тоже было правдой. Он сказал её быстро, почти с облегчением.

— Ты мог сначала спросить, — сказала Вера.

Не отцу. Ему.

— Мог.

Она протянула руку, и Глеб отдал ей телефон с открытой галереей. Там были общий вид, табличка, край стола. Вера пролистнула три снимка, не касаясь остальных, и вернула телефон.

— Эти оставь. Но никому не отправляй, пока не договоримся кому и зачем. Я не хочу потом выяснять, что мы кому-то уже что-то должны.

— Хорошо.

— И в список напиши не цену, а что нужно для нашей работы.

Глеб открыл записку. Павел убрал руку с таблички, но остался стоять в проходе.

— Извините, — сказал Глеб. — Я начал действовать, не объяснив.

Павел ничего не ответил. Наклонился, поднял с пола выпавший из шкафа лист и положил на стол лицевой стороной вниз.

— Эту стойку Вера сама собирала, — сказал он наконец. — Ещё до того, как вы познакомились.

Глеб посмотрел на стёртую краску у основания. На корпусе аккуратно были намечены четыре положения, но одно зачёркнули.

— Почему последнее не используется?

Павел уже открыл рот, собираясь объяснить, и остановился.

— Спросите у неё.

Глеб кивнул. Это было хуже резкого ответа: ещё минуту назад Павел мог охотно говорить о механизме. Теперь даже такой разговор приходилось заслуживать заново.

Вера подошла к стойке. Провела пальцем по зачёркнутой отметке.

— Неудобно получилось. Длинный светильник упирался. Я тогда размеры перепутала, отец заметил. Переделывали вместе.

— Можно перенести целиком?

— Можно. Но я хочу сначала понять, куда и на сколько. А не вынести половину мастерской, чтобы она потом стояла под чьим-нибудь навесом.

— Я пока ни с кем не договаривался.

— Вот так и оставь. Пока мы сами не решим.

Она пододвинула стойку обратно к стене. Глеб помог, держась за основание, а не за верх. Павел наблюдал за ними. Когда задняя ножка зацепилась за край упаковки, он наступил на бумагу, освободил проход и снова отошёл.

Глеб записал в перечне: «Переносная стойка. Нужна для сборки светильников». Год выпуска убрал. Вместо него поставил размеры основания. Вера взглянула на запись и добавила карандашом: «Забираем только вместе с заказом».

От её короткого «забираем» Глебу стало не легче. Оно касалось мастерской. Ему предстояло спросить, разрешат ли участвовать, когда узнают всё остальное.

Вера вернулась к папкам. Глеб видел, как она дважды перевернула одну и ту же страницу, прежде чем заметила это. Ему хотелось подойти и сказать, что отец зря думает о нём плохо. Он остался у списка.

Через несколько минут пришёл исходный снимок.

Вера открыла его, приблизила ярлычок и позвала Лёшу. Теперь номер читался: «М-418». Короткая поперечная черта в четвёрке была её привычкой — Павел всякий раз говорил, что она превращает цифру в стул.

— Вот. Четыреста восемнадцать.

Лёша потёр лоб тыльной стороной пальцев.

— Значит, внутренний. С этой буквой — наши машины, не клиентские.

Он вытащил из коробки тетрадь в чёрном переплёте. Поискал между страницами, потом закрыл.

— Прошлый год.

— Дай сюда, — сказала Елена.

Она уже вернулась из дома с термосом и хлебом. Положила хлеб на пустую крышку, сняла очки и надела другие. Глеб только сейчас заметил вторую пару у неё на шее.

Елена посмотрела на тетрадь.

— Журнал текущих работ в шкафу, у стены. А этот уберите обратно.

— Мы оттуда всё вынули, — сказал Лёша.

— Из шкафа вынули. Между шкафом и стеной посмотрите.

Павел достал длинную деревянную линейку. Опустился на одно колено, подвёл её под край шкафа, и оттуда с тихим шорохом вышла синяя тетрадь. Угол обложки был сбит, на корешке тянулась полоска старого скотча.

— Она у нас туда каждый раз уходит, — сказал он.

— Потому что ты ставишь её сверху, — ответила Елена.

— Там рукой достать удобно.

Лёша молча поднял с пола линейку и подал ему. Павел посмотрел на неё и всё-таки коротко усмехнулся.

Глеб придержал шкаф, пока он поднимался. На этот раз Павел не отдёргнул локоть, но и за помощь не поблагодарил.

В синем журнале пахло пылью и машинным маслом. Страницы были сухие. Вера листала от начала: фамилии, номера квитанций, короткие записи о работе. У некоторых стояли галочки, у других — стрелки на другую страницу. В одном месте к листу была подклеена полоска упаковки с обозначением детали.

Глеб сел напротив. Вера перелистнула ещё несколько страниц и остановилась на четыреста восемнадцатом заказе.

— Швейная машина, — прочла она.

— Не с этого конца, — сказала Елена. — Свои работы сзади. Номера отдельные.

Вера перевернула журнал. Глеб поднял руку, чтобы придержать раскрывающийся переплёт, но она справилась сама.

— Я знаю. Просто сейчас всё в одну кучу.

Елена налила ей чай. Кружку пришлось поставить на подоконник, где освободилось место от папок.

— Сначала выпей.

— Мам, я найду и выпью.

Елена подвинула к ней хлеб, оставив край стола свободным. Спорить не стала.

Глеб взял один ломоть. Он вдруг почувствовал, как сильно проголодался. С утра он выпил только кофе; Павел угадал. Хлеб крошился на пальцах. Глеб собрал крошки в ладонь, чтобы не стряхнуть на чужие бумаги.

Вера смотрела попеременно на журнал и снимок. Глеб пододвинул к ней телефон с открытой фотографией, но она покачала головой.

— На ноутбуке оставь. Тут больше видно.

Он развернул ноутбук. Её палец остановился возле ярлыка.

— Эта бирка не могла висеть на старой муфте. Я её писала, когда Лёша принёс новую.

— Может, переставили? — спросил Глеб.

— Могли. Но посмотри на корпус.

Вера достала из кармана телефон и нашла свой старый снимок: стенд, а на переднем плане светильник, для которого она тогда подбирала крепление. За матовым стеклом виднелась часть привода. Корпус муфты был гладким. На фотографии из акта сбоку выступало короткое ребро, отбрасывавшее тень. Глеб сравнил оба изображения. Исполнение было другим.

— Это ты когда снимала?

— Весной. Для заказчицы, она выбирала высоту подвеса. Переписка осталась.

Вера открыла сообщение. Снимок оказался между вопросом о длине цепи и благодарностью за примерку. Глеб попросил сохранить разговор вместе с датой. Она сохранила фотографию и нужный участок переписки в отдельную папку.

— Действительно другой, — сказал он. — Сам номер ещё ничего не доказывает. Вместе с формой — уже можно проверять.

Лёша принёс со стола маленькую плоскую коробку. На крышке был нарисован карандашом круг.

— Старую втулку не выбрасывал. Размер для следующего заказа нужен был. Корпус тогда отдали в металл.

Павел взял деталь, повертел в пальцах и положил обратно. Глеб заметил, как отец Веры косится на экран, но не спрашивает, можно ли посмотреть ближе. Он сдвинул ноутбук так, чтобы хватило места всем троим.

— Вы хотите сказать, они сняли не тот станок? — спросил Павел.

— Нет, — ответила Вера. — Стенд наш. В описи ошиблись в номере привода. А вот муфта...

Она снова повернула журнал и нашла нужную запись.

Глеб видел знакомую аккуратную четвёрку: «М-418». Далее другой почерк — более крупный, с короткими обрубленными словами. «Установлена муфта в сборе». Дата. Ниже добавлено: «Повторно снята. Подгонка втулки. Проверено». Рядом стояли инициалы Лёши и Павла.

— Оба расписались, — сказала Вера.

— Вместе делали, — ответил Павел. — Что такое?

Она сверилась с датой акта. Потом положила палец на запись в журнале, словно та могла сдвинуться, пока она смотрела на экран.

— Здесь позже.

Глеб наклонился.

— На сколько?

— На шесть дней.

Они молчали. За входной дверью Лёша стряхнул с подошвы глину и вернулся к столу; он ходил всего лишь убрать пустую коробку, но теперь, увидев их лица, остановился.

— Что?

Вера показала ему обе даты.

— Могли задним числом записать? — спросил Глеб.

Лёша взял журнал. Прочёл свою строку, заглянул на предыдущую страницу.

— Я в тот день у поставщика забирал. По дороге сюда. Она раньше у нас вообще не была.

— Накладная сохранилась?

— Должна.

— Найди, пожалуйста, — сказала Вера. — Не по памяти. Бумагу.

Лёша кивнул. Павел ещё раз посмотрел на дату, затем отодвинул стул, чтобы пропустить его к шкафу.

Глеб не говорил, что они нашли подлог. Пока перед ними были журнал и фотография, которую приложили к акту с другой датой. Могли перепутать вложение, свести в один пакет разные осмотры. Кто-то должен был объяснить, когда снимали новый узел и почему его повреждение оказалось в более раннем заключении.

Вера взяла карандаш. Рядом с прежним вопросительным знаком написала вторую строку, но потом зачеркнула слова «акт неверный».

— Что ты запишешь? — спросил Глеб.

— Что даты не сходятся. Остальное пусть покажут.

Она попросила его сфотографировать разворот журнала целиком, с краями страницы, а не вырезать одну удобную строку. Он спросил, можно ли положить рядом лист с номером акта. Вера кивнула.

Павел отодвинул кружку, чтобы на страницу не упала тень.

Глеб сделал снимок и сразу показал им. На этот раз все знали, зачем он достал телефон.

Вера приблизила на экране дату установки. Потом вернула полный кадр. Журнал оставался открытым посреди стола, и лист больше никто не перелистывал.

В день, указанный в акте, этой муфты в мастерской ещё не было.

Имя на закрытой двери

Николай Ляшенко

Глава 4 Чужая помощь

К половине первого Глеб нашёл человека, который мог приехать сегодня. Вера ещё не знала, что этот человек уже собирается ей помочь.

Она стояла у окна с телефоном и повторяла номер своего письма. На другом конце искали приложение. Сначала не нашли фотографию, потом журнал. Вера смотрела на экран ноутбука, где оба файла стояли в отправленном письме, и придерживала ногтем край стола.

— Я понимаю. Отправлю ещё раз. Но зарегистрируйте, пожалуйста, само обращение сейчас.

Глеб положил перед ней записку с именем. Юрий Белов. Они вместе запускали линию на заводе; у Юрия была небольшая ремонтная бригада и своя площадка для проверки оборудования. До него Глеб позвонил двум знакомым, не называя мастерской. У одного не было людей, другой мог только в четверг.

Вера закончила разговор и записала полученный номер прямо на ладони. Она перечитала цифры и только тогда положила телефон.

— Есть инженер, — сказал Глеб. — Может посмотреть, что нужно для временного стенда и что делать с вашим. Сегодня после двух.

— Он про здание сможет сказать?

— Нет. Только оборудование. Заключение по помещению останется отдельным.

Вера взяла записку.

— С ним можно поговорить мне?

— Конечно.

— И цену спросить.

Глеб кивнул.

Она посмотрела на семь свёртков вдоль стены. На одном сидела вырезанная из картона птица: Тамара Львовна сделала прокладку по форме латунного крыла, чтобы не отломить его при перевозке. Картон торчал из упаковки, словно птица сама решила выбраться.

— Спроси пока, сколько стоит выезд и что входит, — сказала Вера. — Я закончу с письмом и позвоню. Фотографии ему можешь отправить. Те три. Для этого.

— Хорошо.

— Не заказывай ничего, Глеб.

— Я понял.

Он вышел во двор. Юрий ответил не сразу; в трубке что-то стукнуло, затем тот попросил повторить про стенд.

Глеб описал оборудование, передал размеры стойки и отправил разрешённые снимки. Про мокрую секцию сказал отдельно. Юрий сразу предупредил: за ограждение без допуска не пойдёт, с фотографии обещать ремонт не станет. Сначала осмотрит то, к чему есть доступ, и посмотрит документы.

— По временному варианту, может, подберём, — сказал он. — Я на базе буду, посмотрю, что свободно. Но не обещаю.

— Посмотри. И людей на завтра прикинь.

— На какие работы?

— Пока предварительно. Чтобы не начинать всё с нуля, когда будет понятно.

Глеб смотрел через окно на Веру. Она переписывала номер с ладони на лист, но ручка перестала писать. Вера провела ею по полю, потрясла, попробовала снова. Павел молча протянул ей свою.

— Счёт мне пришли, — сказал Глеб. — На осмотр и на то, что потом согласуем. Им пока перечень без сумм.

— Заказчик ты?

— Я оплачу.

Юрий помолчал.

— Мне надо понимать, с кем объём согласовывать.

— С Верой. Она руководит мастерской.

— Тогда предварительный лист скину вам обоим. Оплату отдельно решите. Бригаду пока не ставлю.

— Хорошо.

Он успел сказать это прежде, чем понял, насколько удобно ему прозвучало «отдельно». Достаточно было убрать из Вериной части несколько строк, и помощь становилась чем-то, что ей оставалось только принять. Вечером он объяснил бы остальное. Уже с возможностью закончить заказ, а не с пустыми руками.

Во дворе пахло сырým деревом. У стены лежала снятая вчера потолочная панель; на ней ещё держалась аккуратная белая наклейка с номером склада. Глеб обошёл её и вернулся в приёмную.

Лёша нашёл накладную на муфту. Положил рядом с журналом, прижав верхний край линейкой. Дата совпадала с записью об установке. Вера попросила снять лист целиком и сохранить обе стороны. Она не сказала «попались». Убрала документы в отдельную папку и поставила её повыше, подальше от чая.

Предварительный лист Юрия пришёл, пока они освобождали место у переносной стойки. Вера открыла его на ноутбуке. Прочла до конца и вернулась в начало.

— Здесь ревизия стенда, подбор привода, возможная доставка, — сказала она. — Мы просили консультацию.

— Это то, что может понадобится потом.

— А сколько стоит сейчас?

— Сейчас посмотрит.

— Бесплатно?

Глеб подвинул край упаковочной бумаги, чтобы она не свисала со стола.

— Эти расходы я возьму на себя.

Вера не ответила. На экране была строка «Плательщик» и его фамилия. Он видел, где остановились её глаза.

— Ты уже договорился?

— Только о том, что оплачу. Работы без тебя никто не начнёт.

— А я могу выбрать другого человека?

— Можешь.

— И он тоже будет бесплатно?

Глеб посмотрел на неё. Она не повышала голос. У стола за её спиной Тамара Львовна надрезала картон, примерила к крылу, отложила ножницы. Павел вынес пустую коробку во двор, хотя минуту назад собирался её сохранить.

— Я не ставлю условий, Вера.

— Ты мне их не называешь. Это пока всё, что я знаю.

Она повернула ноутбук к нему. Внизу стояло: «Стоимость и расчёты согласуются с плательщиком».

— Здесь даже спросить должна не я.

— Юрий так оформляет предварительные заявки. Я скажу, чтобы переделал.

— Переделай сначала со мной.

Он отступил от стола, пропуская Елену с подносом. Вера тоже подвинулась, и они оказались рядом, почти плечом к плечу. Ещё утром она сама прижалась к нему на этом месте. Теперь между ними поместился поднос с двумя пустыми чашками, и никто не убрал его.

— Я хотел снять с тебя хотя бы это, — сказал Глеб.

Вера посмотрела на его руки.

— А я хочу знать, за что потом отвечать.

Она взяла записку с номером Юрия и отошла к окну.

Глеб слышал её часть разговора. Выезд и первичная консультация — четыре с половиной тысячи. Без ремонта, деталей и перевозки. Письменный список того, что можно осмотреть сейчас и что потребует отдельного допуска. Ответ о наличии временного оборудования — после проверки на базе, без гарантии, что подходящее найдётся.

— Да. Сейчас только это. Дальше ничего не бронируйте. Я сама вам напишу.

Вера вернулась к столу.

— Он пришлёт отдельное предложение на консультацию. На мастерскую. Я посмотрю и подтвержу.

— Я могу хотя бы...

Она подняла глаза.

— Глеб.

Он замолчал.

— Если мне понадобится занять, я попрошу. Не делай так, чтобы я узнавала об этом из чужого бланка.

Ему хотелось сказать, что это не заём. Именно эта фраза и была бы сейчас хуже всего. Он стоял в чужой кофте перед женщиной, которая имела право знать, чьи деньги он так легко обещает, и всё ещё выбирал слова поменьше.

— Хорошо, — сказал он. — Я отменю оплату.

Телефон показал час дня. Глеб не сразу взял его со стола.

— Рита ждёт звонка, — сказал он. — Мне нужно ответить.

— Иди.

Вера уже читала новое письмо.

На этот раз Глеб отошёл от мастерской к боковой стене дома. Здесь не было окна, в которое можно смотреть вместо разговора. На верёвке висело кухонное полотенце; ветер бил его углом о ржавый столб.

Рита начала с фотографий журнала и накладной. Вера только что отправила их на общий адрес вместе с вопросом о дате осмотра.

— Я получила, — сказала Рита. — Историю вложений запросили. До ответа не пишем, что установлена подмена. Ты это понимаешь?

— Понимаю.

— Что у тебя с ремонтом на С-14?

Он посмотрел на телефон, словно вопрос мог прийти не из разговора.

— Откуда ты знаешь?

— Юрий спросил у нашего диспетчера, есть ли допуск в секцию. Адрес наш. Диспетчер спросил меня, кто заказал работы. Я пока ответила, что никто.

— Так и есть. Только консультация. Ремонт не согласован.

— А ты кому что пообещал?

— Заплатить. Из своих. Без денег группы.

Рита помолчала. Он слышал, как она поставила чашку на стол.

— Почему именно здесь?

— Я уже говорил, здесь действующая мастерская. В сводке...

— Про сводку я прочла. Почему ты с утра сам решаешь, кому сюда ехать, и собираешься платить?

Глеб провёл ладонью по холодному кирпичу. Под пальцами осталась песчаная крошка.

— Вера — моя девушка.

За стеной открылась кухонная дверь. Елена вышла с пустым ведром, кивнула ему и пошла к крану. Глеб не отвернулся от неё и не понизил голос.

— Мы пять месяцев вместе. Вчера приехал знакомиться с родителями. Там увидел уведомление.

— Вчера?

— Да.

— А утром ты был просто на объекте.

— Я не сказал.

Елена скрылась за углом сарая; оттуда донёлся плеск воды.

Рита выдохнула. Не возмущённо; так, как выдыхают, когда приходится возвращаться к уже законченной работе.

— Она знает про тебя?

— Знает, что я инженер.

— Глеб.

За последние десять минут его дважды назвали по имени так, что продолжить прежнюю фразу было невозможно.

— Про долю не знает. И про программу. Я сегодня обещал объяснить.

— До того как твой подрядчик что-нибудь разберёт?

— Никто ничего не разбирает.

— Хорошо. Пусть это так и останется.

Он закрыл глаза. В этой просьбе не было ничего несправедливого, но ему всё равно захотелось возразить.

— Мы можем потерять время на согласования. У них заказ.

— У остальных тоже бывают заказы. Сегодня мы это как раз обнаружили.

Глеб открыл глаза. Елена перекрыла кран и ушла с ведром. Вода с его края оставила на дорожке несколько тёмных пятен.

— Сколько ещё таких строк в сводке? — спросила Рита.

— Не знаю.

— Тогда у нас два дела. Проверить основания по всему спорному пакету. И не дать тебе отдельно решить судьбу мастерской женщины, с которой ты живёшь.

— Мы не живём вместе.

— Это сейчас что меняет?

— Ничего.

Он услышал собственный ответ и убрал ладонь со стены.

Рита предложила привлечь специалистов, которые не составляли исходный акт и не будут зарабатывать на ремонте. К среде можно подготовить порядок проверки, список объектов и вопросы. Закончить всё к среде нельзя. До рассмотрения сохранялись действующие ограничения; новые бумаги не давали права включить мокрый станок.

— Я поддержу, — сказал Глеб. — По всему пакету. Не только С-14.

— И до рассмотрения ты не согласишься здесь исключений, оплат и подрядчиков от группы. Документы передаёшь в общий канал. Не редактируешь заключение под нужный результат.

— Да.

— Я внесу твой личный интерес в материалы. Ты сам его изложишь. Отдельным письмом, сегодня.

Глеб представил строку, которую уже нельзя будет стереть перед отправкой.

— Пришло.

— И ещё. Белов может быть хорошим инженером. Но человек, которому ты предлагаешь ремонт, не должен единолично решать, насколько этот ремонт нужен. Консультация для их текущей работы — отдельно. Проверка старого акта — отдельно.

— Понял.

— Надеюсь. Потому что ты с утра очень хорошо понимаешь и всё равно идёшь следующим коротким путём.

Она сказала это устало, без нажима. Глебу оказалось легче ответить именно такому голосу.

— Уберу себя из согласования по этому объекту. Предложение на среду готовь без особых условий для них.

Рита уточнила ещё два вопроса по документам и закончила разговор. Не пожелала удачи с Верой. Он был ей за это благодарен.

Глеб остался у стены. Написал Юрию, что прежняя договорённость об оплате отменена, никакие работы сверх консультации не согласованы. Дождался короткого подтверждения. Затем открыл письмо Рите и написал, почему оказался на С-14. Не назвал это случайным знакомством. Указал срок и то, когда сам узнал связь мастерской с программой. Прочёл, убрал ненужное объяснение про аварию и отправил.

Вера этого письма не увидит. Ей он пока оставлял вечер. Но Рите теперь было известно всё, что утром он заменил словами «я на объекте».

Юрий приехал в половине третьего один, без бригады. Невысокий, широкоплечий, с выцветшим следом от очков на переносице. Поставил сумку у двери и первым делом спросил, кто Вера.

Она вышла из-за стола.

— Я.

Глеб протянул руку, и Юрий коротко пожал её, не начиная разговора о прежних работах. Достал из папки два листа.

— Это сегодняшнее. А это предварительный перечень, который я присылал. Второй пока ни к чему не обязывает.

Вера разложила их рядом. На первом стояли цена консультации, её объём и получатель результата — мастерская. На втором оставалась прежняя строка с фамилией Глеба.

— Этот заберите, пожалуйста.

Она протянула второй лист Глебу. Он взял его. Бумага не была ни порвана, ни зачёркнута; Вера просто не собиралась её подписывать.

Павел стоял рядом с переносной стойкой и смотрел на сумку Юрия.

— Инструмент-то хоть привезли?

— Привёз. Но начнём с того, что мне разрешат смотреть.

— Нынче все так начинают.

— Удобно. Есть шанс не заканчивать объяснительной.

Павел кашлянул, скрывая усмешку, и достал заключение Бориса Ильича. Вера пододвинула к нему список доступных работ. Сумка пока осталась закрытой.

Юрий прочёл ограничения. Спросил, где повреждённый стенд, посмотрел на него из прохода и не пошёл за ленту. Затем опустил на корточки у переносной стойки.

— Эту сами делали?

— С отцом, — ответила Вера.

— Для ваших светильников?

Она показала самый широкий свёрток и объяснила, где цеплялся длинный подвес. Юрий задавал короткие вопросы. Несколько раз она отвечала сразу, потом запнулась и позвала Лёшу за листом размеров. Глеб подал лист, который они составили утром. Юрий взял его у Веры.

Через двадцать минут на обороте появились два варианта. Ни один не назывался «всё починить к завтра». Для первого нужно было проверить наличие подходящего оборудования на базе, для второго — согласовать работу на чужом стенде. Оба требовали перевозки и проверки самих светильников. Юрий обещал к вечеру дать ответ по доступности, не по окончательной готовности заказа.

Вера попросила записать, что именно придётся вывезти. Глеб достал карандаш, но она уже дала свой Юрию.

Он убрал руку. Потом заметил, что широкий свёрток у стены касается сумки, переставил сумку и спросил:

— Это можно перенести к окну?

— На пустой стол, — сказала Вера. — Только вдвоём. Пап, помоги, пожалуйста.

Глеб и Павел подняли свёрток за жёсткое основание. Между ними тихо шуршала бумага. Вчера Глеб держал голое стекло и боялся не удержать; теперь главным было поставить вещь туда, куда попросили.

Когда они вернулись, Вера подписывала только первый лист. Юрий оставил ей экземпляр и убрал второй в папку после того, как Глеб вернул его.

— Завтра без вашего подтверждения никто не приедет, — сказал он Вере.

— Спасибо.

Она потёрла ладонь большим пальцем, пытаясь стереть утренний номер обращения. Чернила размазались. Глеб подал влажную салфетку из пачки на столе. На этот раз Вера взяла её.

— Я рада, что ты его нашёл, — сказала она тихо.

Он поднял глаза.

— А всё остальное не делай за моей спиной. Даже если считаешь, что мне понравится результат.

— Не буду заказывать ремонт.

Она задержала на нём взгляд. Он снова ответил на меньший вопрос.

Вера положила подписанный лист рядом с номером обращения. Там теперь было написано, что они покупают за четыре с половиной тысячи и чего за эти деньги не получают. Глеб стоял рядом, не зная, куда деть свободные руки.

До вечера оставалось несколько часов. Консультацию Вера приняла. Его молчанию это срока не прибавило.

Имя на закрытой двери

Николай Ляшенко

Глава 5 Открытая книга

Елена убрала со стола хлеб и положила на его место красную тетрадь.

— Эту сначала, — сказала она.

Павел, уже взявшийся за половник, поставил его обратно в кастрюлю. Вера осталась стоять с тарелкой. Глеб потянулся к ещё одной, но Елена накрыла ладонью стопку.

— Суп не убежит. Он сегодня умнее нас.

За окнами синело. Из мастерской они принесли ноутбук, папку с актом и запах сырого картона на рукавах. Вера сняла фартук ещё у двери; на терракотовом свитере осталась светлая нитка упаковочной бечёвки. Глеб хотел снять её, но передумал.

Елена открыла тетрадь. Внутри были вложены квитанции, тонкие кассовые чеки, листки в клетку. Один чек выцвел почти до белого. Елена держала его отдельно, будто от прикосновения могли исчезнуть последние цифры.

— Я хотела завтра, — сказала она. — Потом подумала: завтра мы опять что-нибудь купим.

— Мы сегодня только консультацию заказали, — ответила Вера.

— Я знаю. Её тоже сюда.

Павел отодвинул стул.

— Лен, давай после ужина.

— После ужина у тебя телефон разрядится. У меня голова заболит. Потом поздно станет.

Она произнесла это без злости, перечисляя знакомые дела.

Глеб поднялся.

— Я пока во дворе...

— Не надо, — сказала Вера.

Она села, поставила пустую тарелку на подоконник и придвинула тетрадь.

— Ты сегодня помогал выбирать, за что нам платить. Посиди.

Глеб остался. Павел смотрел не на него, а на руку жены, лежавшую поперёк раскрытой страницы.

— Что это за сто восемнадцать? — спросила Вера.

— Поставщику, — ответила Елена. — Старый остаток. За металл и комплектующие, не за ту муфту. Муфта оплачена.

— В выписке я видела оплату.

— Часть. Здесь остаток после неё.

Вера перевернула лист. Елена остановила её пальцем.

— Ещё сорок две за инструмент и обслуживание. И двадцать семь Паша занял у Сергея. На выплаты ребятам в прошлом месяце.

— Я ему верну, — сказал Павел.

Вера подняла голову.

— Из чего?

— Два заказа должны были закрыться.

— Должны были или закрылись?

— Один клиент перенёс. Второй не забрал.

На холодильнике гудел мотор. Глеб раньше не замечал, какой он громкий.

Вера потянула к себе ноутбук, открыла учёт. Сравнила несколько строк с тетрадью. Напротив одной стояло «доплата», напротив другой — «свои». Она ткнула в последнюю ногтем.

— Это не свои. Это долг.

— Папа обещал сам вернуть, — сказала Елена.

— Поэтому долг перестал быть долгом?

Елена сняла очки.

— Нет. Я так написала, чтобы ты не спрашивала.

Павел открыл рот, но жена посмотрела на него.

— Я тоже. Не один ты.

Вера уронила руку на стол. Вся её злость на секунду куда-то провалилась; осталось лицо человека, который слишком долго нёс ящик за ручку и только сейчас увидел, что ручка держится на одном гвозде.

Глеб придвинул ей стакан воды. Она взяла его, выпила два глотка. Кожа вокруг ногтя на большом пальце была содрана. Он помнил, как утром она цепляла этим пальцем застёжку папки.

— Сколько? — спросила Вера.

Елена назвала общую сумму: сто восемьдесят семь тысяч. Потом отдельно — ближайшую аренду, обычные выплаты, сегодняшнюю консультацию. Не стала складывать всё в одно пугающее число.

— А у нас?

— На счёте пятьдесят две. Но из них тридцать две — аванс за читальный зал.

— Я знаю, чей аванс.

— Я на всякий случай.

— На всякий случай надо было раньше.

Елена кивнула. Не попросила говорить тише.

Павел взял ложку и начал тереть большим пальцем тёмное пятнышко на черенке. Пятно было частью рисунка.

— Я не проиграл их, Вера.

— Я этого не сказала.

— И себе ничего не купил. Люди работали. Надо было платить.

— Конечно. Только я брала новые заказы по ценам, в которых мы якобы всё покрываем. Я видела, что тебе надо больше времени на станок, и думала: сейчас отобьём. А мы уже тогда не отбивали?

— В отдельные месяцы нормально выходило.

— В какие?

Павел перестал тереть ложку.

Елена подвинула к дочери ещё два листа. Вера долго читала. Потом достала телефон, нашла сообщение и положила рядом с тетрадью.

— Помнишь, я спрашивала про партию кронштейнов? Отказалась, потому что ты сказал, у нас два месяца заняты. Я бы не набрала их поверх всего. Я бы выбрала.

— Там одно и то же, три недели точить.

— Да. С оплатой в срок.

— Ты бы взяла их из-за меня.

Вера посмотрела на отца.

— Может быть. А может, нашла бы другой заказ. Теперь уже не узнаем.

Павел положил ложку. Она упала в пустую тарелку с таким звуком, что все посмотрели туда.

— Я хотел до вчерашнего дня закрыть, — сказал он. — Чтоб ты приехала не разбираться. Привела человека. Нормально посидели бы.

Он впервые взглянул на Глеба и сразу отвёл глаза.

Глеб почувствовал, как стало жарко под чужой шерстяной кофтой. Вчера, за этим же столом, он тоже ждал подходящего момента. Потом хотел прийти к разговору с готовым решением. Сейчас Павел сидел напротив и говорил его словами, только не такими аккуратными.

— Я не хочу приезжать к вам как проверяющий, — сказала Вера. — Я хочу работать и иногда ужинать. Это не получается, если перед ужином надо убрать половину жизни в ящик.

— Я понимал, что делаю.

— А я — нет.

Павел опустил голову. Елена положила очки на стол и не стала накрывать его руку своей.

Вера заметила, что Глеб сидит с прямой спиной, словно всё ещё на вчерашнем знакомстве.

— Прости. Это не про тебя.

Он мог ответить сейчас. Достаточно было не кивнуть.

Он кивнул.

Елена встала выключить огонь под супом. Горелка давно была выключена. Она подержала пальцы на ручке, проверила ещё раз и вернулась.

— Я больше не буду писать «свои», — сказала она. — Завтра открою тебе все выписки. Не только список, который сама приготовила.

— Сегодня можно?

— Можно.

Вера развернула ноутбук к матери. Не вырвала тетрадь у отца и не велела всем уйти, хотя Глеб видел, сколько усилий стоило ей сидеть спокойно.

Они стали разбирать листы. Что просрочено, кому уже обещали, где можно позвонить и согласовать срок. Елена принесла второй конверт. Павел сперва только поправлял даты, затем достал телефон и показал переписку с Сергеем.

Вера записала рядом с его именем день возврата.

— Давайте так. Мама ведёт общий список, я вижу выписки. Новые долги не берём, пока втроём не посмотрим. И на завтра я не обещаю людям полную загрузку, которой нет.

— Они уйдут, — сказал Павел.

— Возможно. А если не сказать, у них свои долги не исчезнут.

— Я с Лёшей поговорю.

— Вместе. Ты не будешь один объяснять, почему мы все молчали.

Он посмотрел на дочь. Она не улыбнулась, но пододвинула к нему карандаш. Павел взял его и исправил в списке одну дату.

— И себе платим не тем, что осталось случайно, — добавила Вера. — А то у нас хозяйка приёмной получает супом.

— Суп недорогой, — сказала Елена.

— Вот именно.

Елена неожиданно засмеялась. Смех вышел коротким и неловким, но после него она смогла достать тарелки.

Ели рядом с тетрадью. Елена не убрала её, только отодвинула от кастрюли. Павел попросил хлеб; никто не стал искать в этом повод помириться.

Ответ Белова пришёл, когда Вера почти доела. Она прочла сообщение дважды и попросила Глеба посмотреть техническую часть.

На базе подходящего переносного комплекта не оказалось. Зато утром освобождался стационарный стенд в сухом помещении. С девяти до часу можно было привезти светильники, согласовать крепление и выполнить часть проверок с их специалистом. Белов отдельно указал: это работа на его площадке, а не разрешение включать оборудование в С-14. Размер широкого светильника нужно подтвердить перед погрузкой.

Четыре часа со специалистом стоили восемь тысяч. Перевозка оплачивалась отдельно. Внизу было написано, что без ответа Веры место за ними не закреплено.

— Поместимся? — спросила она Глеба.

Он сравнил размеры с утренним листом.

— По габаритам да. Крепление лучше отправить ему сейчас. Я могу подготовить схему, если ты хочешь. Ничего переделывать здесь не будем.

— Подготовь. Я сама пошлю.

Павел уже нашёл в телефоне номер Лёши, но остановился, посмотрев на дочь.

— Про машину спросить?

— Да. Пока цену и время. Не заказывай.

Он вышел в коридор. Глеб открыл чистый лист, начертил основание стойки. Вера смотрела, опершись локтем о стол. Раньше в таком положении она клала подбородок ему на плечо. Сейчас наклонилась с другой стороны, чтобы было видно.

Павел вернулся с ценой: три тысячи за поездку туда и обратно, при условии, что груз подготовят и помогут погрузить. Вера сложила восемь и три, прибавила четыре с половиной за консультацию. От двадцати тысяч свободных денег оставалось четыре с половиной. Глеб невольно отметил: он мог бы перевести нужную сумму за время, потраченное на этот подсчёт. Вера же подвинула к себе тетрадь и ещё раз проверила, не забыла ли расход.

— На материалы для светильников отложено отдельно из аванса, — сказала Елена. — Это не трогаем.

— Утром ещё подтвердим у Юрия, что входит в восемь, — сказала Вера. — Но время я сейчас попрошу закрепить. И машину после его ответа.

Она посмотрела на отца и мать. Оба кивнули. Только после этого она написала Белову.

Телефон зазвонил, пока Глеб дорисовывал второй вид крепления. На экране Веры появилось имя Антона.

— Кравец, — объяснила она. — Мы на заводе вместе работали.

Глеб знал фамилию. Она стояла в переписке о реконструкции, рядом со сроками освобождения корпусов. Он продолжил вести линию и увидел, что ушёл на несколько миллиметров в сторону.

Вера ответила.

— Да. Письмо получила. По акту я отправила вопрос на общий адрес... Нет, не только номер. Там дата.

Она выслушала, не соглашаясь.

— Хорошо. Ответьте письменно. А что ещё?

Потом потянулась к ноутбуку.

— Сейчас открою. Поставлю на громкую, здесь родители.

Глеб сидел рядом. Вера не перечислила всех за столом, а он не подал голоса.

— Я переслал предложение центра, — сказал Антон. — У них реставрация светильников для двух залов. Нужен человек, который поведёт работу, а не только подпишет эскиз. Я показал твоё портфолио, то, которое у тебя на странице. Им понравилась заводская серия.

Вера открыла вложение. Глеб видел название городского реставрационного центра, срок договора — три месяца, сумму ежемесячной оплаты. Материалы и оборудование были отдельной строкой. Под письмом стояло имя руководителя, не Антона.

— Они ждут ответа в пятницу, — продолжил он. — Сначала можно приехать, посмотреть мастерскую. Я дам прямой номер. Объём есть, деньги согласованы.

— На одного человека?

— На руководителя работ. У них своя команда.

— Мои туда не поместятся.

— Вер, это не предложение перевезти твою мастерскую.

Павел поднялся за водой. Елена не стала его останавливать.

— Я поняла, — сказала Вера. — Ты давно об этом знаешь?

— С прошлой недели искали. Сегодня спросили, свободна ли ты. Я сказал, что решишь сама.

— А если я буду оспаривать ваш акт?

Антон ответил не сразу.

— Будешь оспаривать. Это другая работа, другой заказчик. Я в договоре не участвую.

— Тогда пришли номер. И ничего за меня не подтверждай.

— Не подтверждал. Но съездить советую. Там нормальные условия. Ты можешь дальше работать по специальности, а не вытаскивать из этого корпуса всё, что ещё держится.

— Сегодня вытаскивали вещи клиентов.

— Я знаю.

— Не уверена.

Несколько секунд из телефона слышалось только шуршание.

— Номер пришлю, — сказал Антон. — По вашему обращению ответ будет через общий канал.

Вера отключила связь. Сохранила письмо в отдельную папку, не вместе с актом. Затем перечитала условия.

— Хорошая работа, — сказал Павел у раковины.

— Похоже.

— Надо брать.

Вера посмотрела на него поверх ноутбука.

— Ты пять минут назад боялся, что Лёша уйдёт.

— Лёша не моя дочь.

— Поэтому ему можно остаться с пустым столом?

— Я не это сказал.

— Я знаю.

Она закрыла глаза, потёрла переносицу. Глеб хотел сказать, что предложение ни к чему её не обязывает. Она и без него это знала.

— Мне нравится, — произнесла Вера. — Вот что противно.

— Что именно нравится? — спросила Елена.

— Работа. Свой участок. Не надо искать деньги на каждую мелочь. Можно утром прийти и делать то, что умеешь.

Она посмотрела на отца, будто признавалась ему в чём-то худшем, чем желание уйти.

Павел поставил стакан.

— Ты и здесь умеешь.

— Здесь я сегодня полдня выясняла, сколько нас вообще осталось.

Елена придвинула ей телефон с новым номером.

— Позвонишь завтра. Посмотреть можно.

— Я сначала доведу светильники. Марина Сергеевна ждёт звонка к трём.

— Завтра больше трёх часов в сутках, — сказала мать.

Вера впервые за вечер посмотрела на неё с прежней усмешкой.

— Сегодня было меньше.

Белов подтвердил время и условия. Вера отправила схему и фотографию крепления, согласовала машину. Елена внесла новые расходы. Старые долги от этого не уменьшились, но хотя бы перестали появляться задним числом.

Павел собрал тарелки. У порога задержался.

— Вера. Я не хотел, чтоб ты всё это тащила.

Она сидела над тетрадью, прижав край страницы ладонью.

— Я уже тащила, пап. Только не знала сколько.

Он кивнул. Взял не только свою тарелку, но и её. Вера не сказала, что всё хорошо.

Позже Елена ушла в комнату искать выписку за прошлый месяц. Павел спустился в кладовую за чистыми ремнями для перевозки. В кухне остались двое. Телефоны лежали тихо. Дождя не было. Из мастерской никто не звал.

Глеб закончил складывать лист с размерами и понял, что больше делать ему нечего.

Вера подождала. Потом убрала ноутбук с середины стола.

— Ты хотел поговорить.

Он посмотрел на освободившееся место. Утром ему казалось, что к этому часу будет решение. Сейчас у них были четыре оплачиваемых часа на чужом стенде, старые долги и настоящая возможность для Веры уйти. Сказать правду означало добавить к этому своё имя — и больше не распоряжаться тем, что она сделает дальше.

— Да.

— Я слушаю.

Он мог открыть письмо Рите. Мог назвать компанию. Мог начать с самого простого: вчера в мастерской я увидел свою подпись.

Вместо этого он спросил:

— Можно завтра? После стенда.

Вера не откинулась на спинку стула и не отвернулась. От этого было хуже.

— Ты опять хочешь сначала что-то доделать?

— Хочу разобраться до конца.

— Для разговора со мной?

Он посмотрел на её руки. Ещё недавно она держала стакан, который он подал.

— Да.

Вера помолчала, затем подвинула к себе красную тетрадь.

— Папа тоже всё время был почти готов.

Глеб поднял глаза. Она не знала, насколько точно попала. Можно было ухватиться за эту фразу, наконец ответить не на меньший вопрос. Он почувствовал, как слова уже готовы, и удержал их.

— Завтра, — повторил он.

Вера встала. Сняла с рукава светлую нитку и положила рядом с карандашом.

— Хорошо. Но я буду ждать разговора, Глеб. Не ещё одной починенной вещи.

Она ушла за выпиской к матери. Через минуту оттуда донеслось: «Вот эта, полная?» — и Елена ответила.

Глеб открыл на телефоне своё письмо Рите. Его имя, пять месяцев отношений, вчерашнее обнаружение С-14. Слова, с которых можно было начать, были уже написаны.

Он не отправил письмо Вере. Погасил экран и остался сидеть перед её пустым стулом.

Имя на закрытой двери

Николай Ляшенко

Глава 6 Свет на испытательном стенде

Первый светильник не поместился там, где Глеб оставил для него достаточно места.

Вера держала его за основание, Павел — за длинный подвес. Над столом торчало латунное крыло. До стойки стенда ему не хватало совсем немного, но это «немного» не позволяло поставить светильник ровно.

— Назад, — сказала Вера.

Они опустили его в мягкую подкладку. Крыло осталось целым. Глеб убрал руку, которой уже собирался придержать край, и посмотрел на собственный чертёж.

Вчера он проверил общие размеры. Сегодня на месте оказалось видно то, чего не было на схеме: при установке основание нужно повернуть. Птица описывала круг шире самого плафона.

Часы над дверью показывали девять двенадцать.

Помещение Белова пахло чистым металлом и дешёвым кофе. Здесь было сухо, ровно гудела вентиляция, а на полу жёлтой краской обозначили места для тележек. Они привезли семь светильников и сразу заняли почти весь свободный стол. Тамара Львовна сняла с первого картонную защиту, разгладила её и положила рядом. Лёша переносил из машины ящик с инструментами.

У стенда ждал специалист Белова — худой мужчина с седыми висками. Он ещё у двери представился Михаилом и предупредил, что до проверки крепления к испытаниям не приступит. Вера попросила объяснять замечания ей, не Глебу. Михаил просто кивнул.

Теперь он посмотрел на птицу.

— На этот держатель не ставим. У вас ещё такие?

Вера показала на три широких свёртка.

— Четыре. Остальные меньше.

— Давайте сначала меньшие. Здесь пока подумаем.

— Я могу поправить схему, — сказал Глеб.

— Поправьте. Железо по ней само не поменяется.

Глеб не обиделся. Развернул лист и зачеркнул один размер.

Вера стояла рядом. На ней снова был серый фартук, а под ним — тот же терракотовый свитер. За два дня она научилась не смотреть на часы слишком часто. Глеб видел, как она остановила взгляд на стене, не подняв его до циферблата.

— Ты вчера сказал, что помещается.

— Сказал. Я не проверил поворот при установке. Это моя ошибка.

Она посмотрела на схему, затем на него.

— Сколько займёт исправить?

— Пока не знаю. Сначала покажу Михаилу другой вариант.

— Покажи. Только не забирай у остальных весь стол.

Он переложил свои листы на подоконник.

Павел снял куртку, но не повесил её. Держал комком под мышкой.

— На нашем месте уже бы второй поставили.

— На нашем месте сейчас мокрая стена, — сказала Вера.

— Я про удобство.

— Я тоже.

Она повернулась к Тамаре Львовне, помогла развернуть следующий светильник. Под бумагой оказался узкий матовый плафон с небольшим латунным ободком. Вера провела ладонью вдоль стекла, не касаясь, проверяя край. На заводе Глеб видел это движение много раз: она сперва смотрела и лишь потом бралась за вещь. Ему казалось, что он делает так же.

Михаил осмотрел крепление меньшего светильника и разрешил перенести его на стенд. Дальше работал сам. Никто не включал ничего «на секунду посмотреть». Вера стояла рядом с перечнем проверок, отмечала замечания, спрашивала про порядок следующих действий. Когда Михаил попросил отойти, отошла сразу.

Глеб занялся широким основанием. У Белова нашлась другая штатная опора, но их переносная стойка не подходила к ней целиком. Нужно было изменить схему размещения, а не подпиливать чужой стенд. Он показал решение Михаилу. Тот посмотрел, позвал Белова; вдвоём они проверили, можно ли так закрепить груз. Глебу разрешили подготовить только отдельный держатель на свободном верстаке. Устанавливать и окончательно проверять его должны были вместе.

— Вера, это займёт ещё время. Я попробую с Павлом, если вы согласны.

Она посмотрела на отца.

— Пап?

Павел наконец положил куртку на стул.

— Давай лист.

Глеб подвинул ему чертёж. Павел достал карандаш, перечеркнул ещё одну линию.

— Вот здесь потом рукой не подлезешь.

— Да. Не учёл.

— Ты всё сегодня не учёл?

Глеб посмотрел на него.

— Не всё. Но день ещё длинный.

Павел фыркнул. Взял инструмент и перестал держать свободную руку на боку, словно пока ещё не решил, останется ли здесь.

Они работали рядом, не милясь. Павел проверял каждую примерку, Глеб подавал ему детали и не торопил. На чужом верстаке всё лежало не там, где хотелось. Один раз оба потянулись за одним ключом, затем оба отдёрнули руки. Павел сердито ткнул пальцем в сторону нужного размера.

— Этот. А тот пусть отдохнёт.

У стенда Вера подняла голову. Глеб успел увидеть, как она улыбнулась, прежде чем снова склонилась к записи.

Лёша принёс последнюю коробку и остановился возле них.

— Мы потом обратно всё повезём?

— Сегодня да, — ответила Вера. — В сухую приёмную, на упаковку. Работать там на стенде не будем.

— А завтра?

Павел перестал двигать инструментом.

Вера положила ручку.

— Завтра рассмотрение. Но даже если акт пересмотрят, вода от этого не исчезнет. Я буду искать площадку. Для работы, не только склад.

Лёша потёр шею воротом толстовки.

— Мне надо понимать, сколько дней. Мне вчера ещё звонили насчёт работы.

— Где? — быстро спросил Павел.

— На сервисе. Пока спрашивали, могу ли выйти.

Вера посмотрела на отца, и он не продолжил.

— Я не обещаю загрузку на следующую неделю, — сказала она Лёше. — Сегодня работаем по заказу, за сегодня расчёт будет. По остальному поговорим, когда соберём варианты. Если тебе нужно ответить раньше, скажи.

— Мне до четверга.

— Я запишу.

Она действительно записала. Лёша смотрел, как движется ручка, потом кивнул и пошёл помогать Тамаре Львовне. Павел проводил его глазами.

— Раньше бы не искал, — сказал он тихо.

— Раньше у нас был работающий цех, — ответила Вера. — Не потому, что мы лучше просили.

Глеб наклонился над держателем. Ему хотелось вмешаться — назвать людей, у которых можно спросить помещение, предложить звонок. Он вспомнил вчерашний бланк с собственной фамилией и промолчал. Спросить можно было позже. Без обещаний от лица тех, кто пока даже не знал о просьбе.

К половине одиннадцатого первый светильник прошёл необходимые проверки. Михаил внёс результаты, сверил маркировку с Вериным списком и только после этого включил свет для осмотра.

Матовый плафон наполнился ровным тёплым сиянием.

Все почему-то перестали говорить.

Дома над кухонным столом такой свет был обычным делом. Здесь, между серой стеной, коробками и жёлтой линией на полу, он выглядел вещью, которую им пришлось вернуть издалека.

Вера подошла ближе к отмеченной границе. Руки у неё остались опущены; большим пальцем она медленно тёрла шов фартука. Глеб посмотрел сначала на плафон, потом на неё.

— Видишь? — спросила она у Павла.

— Вижу.

— Ободок не темнит край.

Павел наклонил голову, оценивая именно край, а не общую красоту.

— Хорошо вышло.

Вера выдохнула и засмеялась. Негромко, от облегчения. Глеб вдруг понял, как давно не слышал от неё смеха, не предназначенного поддержать кого-нибудь другого.

Тамара Львовна посмотрела на часы.

— Красивый. Теперь следующие, пока свет нам по восемь тысяч не стал обходиться каждый.

Они задвигались. Вера попросила разрешения снять короткое видео для заказчицы. Михаил кивнул, и она засняла светильник целиком, затем ободок и свою бирку с номером. Не стала выбирать ракурс, в котором исчезали бы все чужие столы.

Глеб с Павлом закончили держатель незадолго до одиннадцати. Михаил проверил его, нашёл замечание, которое они исправили, и лишь потом разрешил установку широкого светильника. На этот раз крыло прошло свободно. Глеб смотрел не на птицу, а на Верины пальцы, пока она и Павел переносили основание. Когда вещь встала на место, он убрал руки и отступил.

— Так, — сказала Вера. — Спасибо.

Она сказала это им обоим.

Дальше время пошло быстрее, чем работа. У одного подвеса пришлось заново согласовывать положение. На другом Вера сама остановила приёмку: при боковом свете стала видна неровность восстановленной кромки. Это не была трещина и не след поездки. Она знала об этом месте раньше и надеялась, что после сборки оно не будет заметно.

— Я подправлю, — сказала она.

— У нас уже половина первого, — напомнил Павел.

— Значит, не сегодня.

Он посмотрел на светильник, потом на дочь. Ничего не ответил.

К часу они закончили три из семи: два узких и один широкий, с птицей. Остальные оставались целыми, но не готовыми к сдаче. Михаил отдал Вере результаты выполненных проверок и отдельно перечислил то, чего ещё не делали. Глеб заметил, что она не попросила сократить второй список.

Белов пришёл, когда они снова надевали на птиц картонные чехлы.

— С работой у вас всё нормально, — сказал он, посмотрев на готовые три. — А вот таскать это туда-сюда я бы поменьше стал.

— Мы бы тоже, — ответила Тамара Львовна, придерживая крыло.

Вера спросила о следующем времени на стенде. Белов открыл расписание. Подтвердить свободное окно он мог только завтра; сегодняшние четыре часа закончились, дальше стояла другая работа. Оставить весь заказ у него тоже было негде.

Глеб видел в расписании знакомые фамилии. Он мог попросить подвинуть кого-нибудь, сослаться на важность заказа. Вместо этого помог Лёше донести до машины первый закрытый ящик.

На обратном пути Вера сидела рядом с ним в кабине, держа папку на коленях. Павел с остальными возвращался отдельно. Между Верой и Глебом лежала мягкая прокладка, которую некуда было убрать. На каждом повороте она сдвигалась к нему, и он возвращал её на середину.

— Три, — сказала Вера.

— Три.

— Утром мне казалось: если не сделаем все семь, смысла нет.

Она провела пальцем по краю папки.

— Но это всё-таки три.

Он кивнул. Хотел накрыть её руку своей, но она уже достала телефон.

Марине Сергеевне Вера позвонила без десяти три, когда ящики стояли на сухих столах приёмной. Глеб был рядом, собирал обрезки упаковки. Вера включила видео, которое сняла у Белова, посмотрела последние секунды и отправила.

— Я обещала сегодня сказать, где сможем закончить. Мы нашли площадку со стендом. Сегодня проверили и довели три светильника из семи. Остальные ещё в работе.

Она слушала, глядя на четыре незаконченных свёртка.

— Нет, окончательной даты сейчас не назову. Завтра подтвердят следующее время. Да, это задержка. Я понимаю.

Из трубки что-то спросили. Вера прикрыла ладонью микрофон.

— Глеб, папку с результатами подай, пожалуйста.

Он подал. Она открыла нужный лист, назвала номера трёх светильников, повторила, что комплект пока нельзя считать готовым. Потом замолчала надолго.

Лёша перестал шуршать бумагой.

— Хорошо, — сказала Вера наконец. — Завтра до четырёх дам вам подтверждённый срок либо прямо скажу, что его ещё нет. Если он вам не подойдёт, обсудим возврат за невыполненную часть. Да. Спасибо, что посмотрели.

Она положила телефон экраном вверх.

— Заказ не сняли, — сообщила она. — Пока. Им понравился свет.

Тамара Львовна села на край пустого стула. Павел положил ладонь на ближайший ящик, будто проверял, не стал ли он легче.

— Если бы разрешили здесь работать, за неделю бы добились, — сказал он.

Вера закрыла папку.

— Папа, здесь мы не будем добивать.

Он убрал руку с ящика.

— Ты уже решила?

— Решила, что из мокрой секции уходим. Куда и на каких условиях — ещё нет. Это будем выбирать вместе.

— А завтра зачем тогда идти? Доказывать, что они правы?

— Доказывать, что у нас работающая мастерская. Не сухой потолок.

Павел отвернулся к двери дальней секции. За ней стоял его станок. Отсюда Глеб видел только часть станины и полоску серой стены, которая не просыхала.

— Они напишут, что мы сами ушли, — сказал Павел. — Потом попробуй вернись.

— Я не подпишу отказ от возражений. И претензии к акту не сниму. Но ждать здесь следующей воды не хочу.

— Это всё легко сказать. У них номера, у нас вещи.

Глеб посмотрел на стену. Шесть недель назад ему хватило номеров.

Вера встала рядом с отцом, не перед ним.

— Я сегодня увидела, что мы можем работать не здесь. Не бесплатно. Неудобно. Но можем.

Павел долго молчал.

— Я этот станок сам собирал.

— Я знаю.

— На новом месте никто под него фундамент делать не станет.

— Тогда будем смотреть, что можно перевезти и что придётся оставить. Я не обещаю сохранить всё.

Он резко повернулся к ней.

— А что обещаешь?

Вера не ответила сразу. Глеб видел, как она прижала ногтем край картонной бирки и отпустила.

— Не говорить тебе, что всё решено, пока не покажу условия. И не брать деньги, о которых ты не знаешь.

Павел посмотрел в сторону дома.

— Это ты вчерашнее мне сейчас?

— Нет. Это я себе тоже.

В приёмной стало тихо. Тамара Львовна складывала бумагу по уже готовым сгибам; Лёша держал пустой рулон ленты, не зная, куда его положить.

— Мне важно до автобуса недалеко, — сказала Тамара Львовна. — Если совсем за город, я не доеду. Вы это сразу спрашивайте.

Вера достала блокнот.

Лёша положил рулон на стол.

— И чтоб не с улицы каждый раз детали носить. Я видел один бокс, там дверь прямо на дорогу. Нам не годится.

Павел посмотрел на них обоих, словно разговор перешёл на другой язык без его согласия. Потом взял у Веры карандаш.

— Про пол запиши. Не только площадь. Станки весят больше, чем их хозяева.

Она подвинула блокнот. Он сам вписал короткую строку.

Это ещё не было согласием на переезд. Но теперь они спорили о том, что нужно искать, а не о том, можно ли искать вообще.

К вечеру Вера собрала для завтрашнего рассмотрения отдельную папку. Журнал, накладная, фотографии, ответ электрика, действующие заказы. Результаты сегодняшних испытаний положила последними: они говорили о трёх светильниках, а не о безопасности корпуса. Обращение по дате акта оставалось без окончательного ответа.

Елена принесла из дома распечатку открытых счетов. Показала дочери, где ещё не получила подтверждения сумм. Вера кивнула и не стала делать вид, что теперь с деньгами всё ясно навсегда.

— Поедем утром вместе? — спросила Елена.

— Да. Время уточню по письму.

Глеб слышал их из соседнего угла приёмной. Он открыл у себя материалы программы и нашёл письмо шестинедельной давности. Собственное согласие было коротким. На его чтение требовалось меньше времени, чем он потратил сегодня на один неверный размер.

Он сохранил для Веры программу со своей подписью, исходное письмо, полный отчёт и сводку. Не вырезал страницу с приложениями. Отдельно написал последовательность последних двух дней: когда увидел С-14, когда запросил отчёт, когда говорил с Ритой, когда снова промолчал.

Потом перечитал начало. Там было: «Я хотел сначала помочь». Он удалил эту фразу. Начало стало короче.

Рита прислала уточнение к завтрашним материалам. Глеб ответил по существу, без просьбы решить что-нибудь до его разговора с Верой. Затем закрыл переписку. Больше сообщений он не ждал.

Вера вышла проводить Тамару Львовну. Лёша ушёл раньше: ему ещё нужно было ответить насчёт четверга. Павел унёс в дом пустой ящик, который целый день называл ненужным. Приёмная впервые освободилась настолько, что между столами можно было пройти прямо.

Глеб распечатал документы на маленьком принтере у места Елены. Последний лист лёг поверх остальных. Он не стал переворачивать его, но и не понёс к общему столу, где Вера ещё разговаривала с матерью. Позвал её отдельно, когда та вернулась к своему столу.

— Вера. Останься, пожалуйста. Мне нужно выполнить то, что я обещал вчера.

Она посмотрела на папку в его руке.

— Это про завтра?

— И про завтра. Но сначала про меня.

Вера сняла фартук, повесила на крючок. Елена забрала чашки и ушла в дом.

Глеб положил папку на свободный стол. Вера не села рядом с ним, как днём в машине. Придвинула второй стул с другой стороны.

Между ними наконец было достаточно места для всех страниц.

Имя на закрытой двери

Николай Ляшенко

Глава 7 Подпись

— Я совладелец «Меры», — сказал Глеб. — Двадцать восемь процентов. И программу, по которой закрывают этот корпус, утвердил я.

Вера смотрела на него, не двигаясь. Потом опустила глаза на папку.

— Покажи.

Он вынул первый лист. Не подвинул ближе к себе, чтобы объяснять поверх её плеча, а развернул к ней. Внизу, под списком площадок, стояла его фамилия.

Вера положила палец рядом с подписью.

— Эта?

— Да. Настоящая.

— Я не спрашивала, настоящая ли.

Глеб замолчал. Она прочла страницу ещё раз, теперь с самого верха. Приподняла её, чтобы убрать отблеск от потолочного светильника. Лист дрожал совсем немного, и она опустила его обратно на стол.

— Я видела фамилию, — сказала она. — Решила, однофамилец. Если бы это был ты, ты бы сказал.

В приёмной было слышно, как остывает труба. За стеной кто-то закрыл наружную дверь другого помещения. Обычные вечерние звуки мешали понять, сколько времени прошло после его первых слов.

— Шесть недель назад, — сказала Вера. — Мы тогда уже были вместе.

— Да.

— И ты знал, чем я занимаюсь.

— Знал. Я не связал номер корпуса с вашей мастерской. Там был пакет площадок. Я смотрел сводку.

Он услышал собственный голос: спокойный, удобный для переговорной. Вера подняла голову.

— Ты сейчас объяснишь, что не знал, кому именно делаешь это?

— Я объясню, что сделал. Полный отчёт у меня был. Я его не прочёл.

Он достал ещё две распечатки. На одной утверждалось, что загрузки нет и сохранять мастерскую нецелесообразно. На другой было написано, что сведения о заказах не запрашивались, а оценка не завершена.

Вера положила страницы рядом. Несколько секунд переводила взгляд с одной на другую. Затем взяла ручку и обвела «не запрашивались».

— Здесь даже врать не понадобилось, — сказала она. — Достаточно было не спросить.

Глеб кивнул.

— Не кивай. Ты это когда увидел?

— Разницу — вчера утром. Само уведомление и свою подпись — в воскресенье. После аварийной бригады. Ты вышла к отцу насчёт ключа.

Она перестала крутить ручку.

— Я вышла на минуту.

— Да.

Вера посмотрела через его плечо на пробковую доску. Два листа всё ещё висели под красным флажком. Край нижнего высох волной. Она столько раз смотрела на них за эти дни, что перестала замечать верхнюю строчку и сразу искала срок.

— И я вернулась.

Глеб не ответил. Вера ждала, пока он посмотрит на неё.

— Ты знал уже тогда?

— Да. И не сказал.

Она отложила ручку. Сложила ладони на коленях, потом снова положила на стол. Ей хотелось встать, но за стулом было мало места, и от необходимости сначала аккуратно его отодвинуть стало ещё хуже.

— Вчера ты обещал вечером.

— Я собирался сначала найти способ исправить решение.

— Ты мне обещал разговор, не исправленное решение.

— Да.

— Сегодня у Белова? В машине? Когда я тебе сказала про три светильника?

— Я всё ещё молчал.

Вера резко выдвинула стул и встала. Глеб дёрнулся вслед за ней.

— Не надо.

Он остался сидеть.

Она дошла до стола Елены. Налила воды из графина в чистую чашку, отпила и не смогла проглотить сразу. Глеб смотрел на её затылок, на выбившуюся из узла прядь. Утром он убрал с этой пряди клочок упаковочной бумаги. Вера тогда не перестала говорить с Михаилом, только чуть наклонила голову, разрешая ему помочь.

Теперь он не знал, куда деть руки.

Вера вернулась с чашкой. Поставила её у края, села и подтянула к себе папку целиком.

— Всё здесь?

— Программа, моё письмо с согласием, сводка, полный отчёт. И то, что я делал после воскресенья. Электронные файлы тоже пришлю.

— Сейчас.

Он взял телефон. Она следила за экраном, пока он выбирал вложения. Раньше не следила. Открыв их переписку, он на мгновение задержался на фотографии, которую Вера прислала ещё до поездки к родителям. В лужице под фонарём лежало отражение круглого окна. Ему тогда понравилось, что она замечает свет даже под ногами. Он вернулся к последним сообщениям и отправил материалы.

Теперь ниже появились названия файлов.

Вера проверила, что они открываются, и отложила телефон.

— «Формулировку исправил. По составу площадок замечаний нет», — прочла она с бумаги.
— Это ты написал?

— Я.

— Какую формулировку?

Он показал строку об экономически обоснованном плане продолжения деятельности. Рассказал, что в прежнем варианте было расплывчатое «при отсутствии перспектив». Он исправил слова и оставил список.

Вера долго смотрела на строчку.

— Хорошая получилась фраза. Я вчера полчаса думала, чем доказать, что мы под неё не попадаем.

Он помнил: она сидела над заказами, а он помогал складывать их по срокам. От этого воспоминания стало трудно дышать. Не хватало воздуха, хотя окно приёмной было приоткрыто.

— Мне жаль, — сказал он.

Вера подвинула лист так, чтобы он не закрыл её собственный список.

— Кто ещё знал?

— О программе?

— О том, что я твоя... — Она остановилась. — О нас.

— Рита. Со вчерашнего дня. Я сказал ей перед приездом Белова.

Вера посмотрела на него внимательнее, чем до этого.

— То есть ей ты сказал.

— Да.

— И вы обсуждали, как быть с моей мастерской.

— Обсуждали мой конфликт интересов. Она потребовала, чтобы я не принимал отдельного решения по С-14 и не оплачивал помощь через группу. Я согласился. Завтра будет рассматриваться весь спорный пакет.

— А со мной это обсудить не требовалось?

Он начал отвечать и остановился.

Вера ждала. Он заставил себя не отводить глаз.

— Требовалось. Я выбрал разговор, в котором меньше рисковал.

Она сжала ручку так, что колпачок щёлкнул. Снова разжала пальцы. Ей не нужно было, чтобы он подобрал правильное название своему поступку. Ей хотелось вернуть вчерашний час, когда она могла бы решать, пускать ли его к этим бумагам.

— С Беловым ты что собирался сделать?

— Сам оплатить ремонт. Сначала консультацию, потом работы, если он возьмётся. Не говоря тебе заранее.

— И потом показать: видишь, всё устроилось?

— Да.

Он произнёс это без оговорки, и Вера отвела взгляд первой.

— Белов знает про нас?

— Что я помогаю тебе — знает. Мою роль в программе я с ним не обсуждал. Он бывший коллега, не мой подчинённый. Вчера я отменил просьбу о личной оплате. Условия вашей консультации согласовала ты. Сегодня тоже.

— Ничего за моей спиной не перечислил?

— Нет.

— Рита деньги не перечислила?

— Нет.

Вера записала имя Белова на отдельном листе, хотя оно и так было в её телефоне. Завтра придётся спросить у него прямо. Ещё один звонок. От этой маленькой прибавки к завтрашнему дню вдруг захотелось заплакать сильнее, чем от двадцати восьми процентов.

Глеб увидел, как она часто моргнула, и потянулся к коробке салфеток. Остановился. Вера сама взяла одну, но не приложила к лицу — сложила пополам и оставила возле чашки.

— Ты вообще инженер?

Вопрос ударил неожиданно. Он мог выдержать слова про подпись, потому что готовился к ним. К этому не готовился.

— Да. На заводе я делал свою работу. Я не придумывал её ради знакомства.

— И богатый человек.

— Да.

— Насколько?

Он посмотрел на документы между ними.

— Мне не нужно думать, хватит ли на обычные расходы. У меня есть деньги помимо доли. Если ты спросишь конкретно, отвечу. Но двадцать восемь процентов — это не сумма на счёте, которую я могу снять.

— Я не прошу снять.

— Я знаю.

Она провела ладонью по щеке, сердито, словно убирала мешавшую пыль.

— Ты меня проверял? Что я скажу про деньги, как мы тут живём?

— Нет. Никакой проверки не было. Я хотел быть с тобой и не объяснять всё остальное. Мне нравилось, что ты знаешь меня по работе.

— Я тебя по ней и знала. Ты сам остальное убрал.

Он опустил голову. Вера вдруг увидела знакомого человека: так он сидел, когда обдумывал сложную деталь, слегка нахмурившись, сдвинув руки ближе друг к другу. Ей хотелось, чтобы он поднял глаза и оказался тем, кто мог бы сейчас пойти с ней домой, выслушать эту ужасную историю и выругаться. Но выслушивать её должен был он сам.

— Я думала, ты не любишь говорить о работе по вечерам, — сказала она. — Мне даже нравилось. Приедешь и слушаешь, как я рассказываю про стекло. Не меряешься тем, у кого день важнее.

— Я и слушал.

— Глеб, я теперь не знаю, что ты слушал. Как я жалуюсь на людей, с которыми ты завтра сидишь за одним столом?

— До воскресенья я не понимал, что речь про эту программу.

— А после воскресенья понимал. Не возвращай меня всё время туда, где ты ещё чего-то не знал.

Он закрыл рот.

Вера достала из своей папки снимок муфты. Положила рядом с его распечатками.

— Здесь что? Ты уже знаешь, кто изменил дату?

— Нет. Есть несовпадение, журнал, накладная. Подтверждения того, кто и когда внёс изменение, пока нет.

— Антон?

— Он отвечает за реконструкцию. Это не доказательство, что запись изменил он.

— А тебе было бы удобно, если бы он.

— Было бы.

Она ждала продолжения, но он не стал добавлять, что не собирается пользоваться удобством. После всего сказанного ещё одно хорошее намерение ничего не стоило.

— Если комиссия завтра скажет, что акт неправильный, — произнесла Вера, — твоя подпись всё равно здесь остаётся.

— Остаётся.

Она убрала фотографию обратно. Потом стала складывать его листы в свою папку: сначала письмо, за ним программу, дальше две противоречащие друг другу страницы. Полный отчёт не помещался под тонкую резинку. Она попробовала натянуть её, отпустила, чтобы не порвать.

Глеб подвинул свою папку.

— Возьми эту.

Вера посмотрела на неё, затем взяла. Даже сейчас нужно было что-то во что-то складывать.

— Дом наш к этому не относится? — спросила она.

— Нет. Речь о корпусах и арендуемых секциях. Дом не входит в программу.

Она кивнула, отмечая ответ для матери. Спросила, может ли он единолично отменить уведомление. Глеб сказал, что нет: доля не даёт такого права. Но он участвует в решениях и раньше мог потребовать проверки, прежде чем утверждать программу.

— А теперь что можешь?

— Представить документы, подтвердить свою роль. Поддержать общий пересмотр. По вашей площадке я уже заявил самоотвод. Это ещё не решение о моих полномочиях дальше.

Вера посмотрела на него без той злости, которая хоть немного помогала говорить.

— Завтра ты придёшь и будешь всё это знать. Кто там главный, как с ним разговаривать, какой вопрос можно отложить. А я узнала сегодня вечером.

Он видел её раскрытый блокнот. Там были требования Павла к полу, автобус Тамары Львовны, четверг Лёши, звонок Марине Сергеевне до четырёх. Его признание не отменяло ни одной строки.

— Я могу сейчас объяснить порядок рассмотрения.

— Пришли письмо с порядком. Без того, что мне лучше сказать.

Он переслал приглашение и повестку. Вера открыла их. Проверила место и время, сохранила отдельно.

На стене тихо тикали часы. Глебу казалось, что разговор продолжается очень долго и ещё недостаточно долго, потому что последнего она пока не сказала.

— Вера, я люблю тебя.

Она положила телефон.

Он сразу понял, как это прозвучало: будто теперь она должна учесть ещё и это, прежде чем выбирать. Он хотел объяснить, что не требует ответа, но Вера уже качнула головой.

— Я знаю, что у нас было, — сказала она. — Мне не надо доказывать, что всё было ненастоящее. От этого было бы проще.

Она потянула рукав на ладонь. На костяшке ещё держалась тонкая корочка воскресной ссадины.

— Я сегодня в машине думала, как хорошо, что ты рядом. Я устала, мне было страшно, а рядом был ты. И всё это время ты выбирал, сколько мне можно знать.

Глеб смотрел на её руку. Поднял глаза только тогда, когда она произнесла его имя.

— Мы с тобой больше не вместе.

Он не сразу сумел вдохнуть.

— Ты хочешь, чтобы я уехал?

— Да. Сегодня. Сейчас мне не нужно, чтобы ты ждал во дворе или писал, доехала ли я до дома.

До дома было меньше минуты пешком. Раньше такая фраза заставила бы их обоих улыбнуться.

— Хорошо, — сказал он.

— И завтра я пойду без тебя. С мамой. Ты там отвечаешь за себя.

Он кивнул.

— Родителям я скажу сама. Не объясняй им меня, пожалуйста.

Глеб убрал телефон в карман. Собрал только свой пустой конверт и черновик, на котором пробовал формулировки. Вера остановила его:

— Последовательность тоже оставь. Когда ты узнал и что делал.

Он вынул лист из-под конверта и положил перед ней. Ему стало стыдно за движение руки, хотя он не собирался прятать бумагу: просто сгребал всё, что лежало с его стороны. Теперь ей нужно было проверять даже это.

Вера прочла даты и время. Поставила лист к остальным.

— Если будут новые документы, присылай письмом. По делу. Не через папу.

— Хорошо.

Она поднялась первой. Глеб отодвинул стул, освобождая проход, и остался у стола, пока она взяла свою куртку. Серый фартук так и висел на крючке. Вера проверила окно, собрала ключи. Он не стал делать это за неё.

У двери он снял одолженную кофту. На голубом рукаве остался короткий тёмный волосок шерсти.

— Это Павлу.

Вера указала на свободный стул. Глеб сложил кофту на спинку. Не слишком аккуратно; один рукав свесился почти до сиденья. Он заметил это и не вернулся поправлять.

Они вышли в тёмный двор. Вера заперла приёмную и проверила ручку. Потом пошла к дому. Глеб остался на ступени. Ему хотелось окликнуть её хотя бы затем, чтобы она обернулась, но она уже несла тяжёлую папку обеими руками, и причин остановиться у неё не было.

В прихожей Елена взяла у дочери куртку. Посмотрела за её плечо.

— Глеб?

— Уезжает. Мы расстались.

Елена перестала искать петлю на воротнике.

Вера поставила папку на тумбу. Не попала краем, подхватила снизу. Мать придержала стопку, ничего не спросив.

— Он совладелец «Меры», мам. И эта подпись под программой — его. Знал с воскресенья. Мне сказал сейчас.

Елена медленно повесила куртку. Из кухни донёсся голос Павла: он спросил, кто пришёл. Вера закрыла глаза. Сил повторять не было, но оставлять матери ещё одну недосказанную половину она не хотела.

— Я расскажу вам обоим. Только дай минуту.

Елена кивнула. Положила ладонь ей между лопаток, не подталкивая к кухне. Вера повернулась к ней и уткнулась лицом в плечо. Папку пришлось поставить на пол. Только после этого она заплакала.

Во дворе Глеб надел куртку и проверил, не забыл ли телефон. Не забыл. Не осталось ничего, за чем можно было вернуться.

На экране было письмо Риты с уточнённой повесткой. После разбора материалов стоял отдельный вопрос о полномочиях руководителей программы. Его фамилия была в списке участников рядом с другими — без пометки, что он помогает одной из семей.

Глеб дочитал до конца. Завтра в комнате будут люди, которым он не сможет объяснить всё наедине, выбрать удобный порядок вопросов или попросить ещё один вечер. Вера тоже будет там, но с другой стороны стола.

Он убрал телефон и пошёл к выходу со двора. В доме горел кухонный свет. Дверь за Верой уже закрыли.

Имя на закрытой двери

Николай Ляшенко

Глава 8 Без особых условий

Вера увидела фамилию Глеба на столе раньше, чем его самого.

Белая карточка стояла напротив двух свободных стульев. На этой стороне фамилий не было — только номера корпусов. Вера нашла С-14, поставила папку рядом и сняла куртку. Елена села слева. Сумку с журналом она держала на коленях, хотя под столом хватало места.

— Давай сюда, — сказала Вера.

Мать отдала ей сумку.

Ночью они рассказали всё Павлу. Он слушал стоя, так и не сев на предложенный стул. Один раз спросил, давно ли дочь знала. Когда понял, что она узнала только сейчас, вышел из кухни. Утром принёс накладную в прозрачном файле: боялся, что лист помнут в дороге. Ни слова о том, простит ли он Глеба, не было. Вере и без этого хватало того, за что отвечать.

Переговорная оказалась небольшой. Сквозь мокрое окно виднелись трубы и крыша склада. У стены стоял термос с кофе, рядом — одинаковые чашки. Женщина в синей куртке держала свою так крепко, будто принесла из дома. Мужчина у окна перелистывал фотографии на планшете. Они тоже были арендаторами; Вера успела услышать, как их просили отметить номера объектов в списке.

Глеб вошёл вместе с Ритой.

На нём была голубая рубашка без отцовской кофты. Он сразу увидел Веру, но подошёл к своему месту. Положил перед собой тонкую папку. Ей досталась его толстая, с потёртым углом; утром она закрыла её на резинку, не подумав, откуда вещь взялась.

Рита поздоровалась со всеми и предложила начать. Вера ожидала увидеть человека, которому заранее рассказали, как с ней разговаривать. Увидела уставшую женщину в сером жакете, с коротко подстриженными тёмными волосами. Рита проверила список присутствующих, спросила, все ли получили повестку, затем посмотрела на часы.

Было девять двадцать.

— До полудня ещё принимаем возражения, — сказала она. — Сегодня не закрываем вопросы одним общим голосованием. По каждому нужно понять, что у нас есть и чего мы не проверили.

За столом сидели ещё двое руководителей группы. Рядом с ними расположилась приглашённая специалистка по обследованию зданий, в очках на тонкой цепочке. Она назвала свою организацию и сразу уточнила, что не составляла старые акты. На экране у стены открыли перечень спорных площадей.

Антон пришёл последним, пока сотрудница раздавала дополнительные копии. Поздоровался с Верой коротким кивком, сел у окна. Не спросил про предложенную работу. Вера была ему за это благодарна и рассердилась на себя за благодарность.

Рита начала с С-14: этот объект стоял первым в повестке.

— Нам нужно разделить вопросы по зданию и по действующей мастерской, — сказала Вера.

Голос прозвучал суше, чем она хотела. Она отпила воды. Елена подвинула чашку подальше от открытого журнала.

— В дальней секции мы сейчас не работаем. Есть заключение электрика. Требование о дополнительном осмотре не оспариваем. Я принесла действующие заказы, результаты вчерашних проверок и документы, которые не совпадают с актом.

Она раскрыла синий журнал. Рядом положила две квитанции. На одной ещё оставалась размытая синяя печать.

— Это заказы, которые были у нас на дату вашего решения. Не появились после уведомления. Вот приём, вот закупленные материалы, вот работа, которую уже сделали.

Рита взяла копию, оригинал оставила Вере. Глеб сидел напротив, сцепив руки. Он знал, на какой странице она найдёт следующую запись, и поймал себя на желании подсказать. Вера нашла её сама.

Один из руководителей спросил, какая часть заказов оплачена. Елена перестала держаться за край стола.

— Здесь авансы, здесь окончательные расчёты. Есть долг поставщикам. Его в этих строках не прячем, он на отдельном листе.

Она передала расчёт. Мужчина задержал взгляд на итоговой сумме.

— При таком остатке вы уверены, что продолжите работу после переезда?

Вера хотела ответить сразу. Сказать, что уверена, что иначе они бы не приехали. Вместо этого посмотрела на материнский лист.

— Нет, пока не уверена. Я ещё не знаю цену нового места. Но в вашем заключении написано, что работы у нас нет. Это другое.

Елена негромко выдохнула. Вера слышала этот выдох лучше, чем шорох бумаг по всему столу.

Антон подался вперёд.

— Вопрос не только в загрузке. Корпус требует затрат. Арендаторы не смогут привести его в нужное состояние своими силами. Если мы сейчас снова отложим освобождение, через месяц будем сидеть здесь с теми же проблемами.

— Возможно, — сказала Вера. — Поэтому я и ищу другое место. Но у меня нет месяца денег. Мне нужно знать, что я обязана вывезти, в какой срок и почему нам предлагают прекратить работу всей мастерской, а не закрыть опасную секцию.

Специалистка в очках попросила заключение электрика. Прочитала, сверила с планом.

— Вот эта граница? — Она показала Вере линию.

— Да. Здесь сухая приёмная. Там только храним и упаковываем то, что разрешили. На оборудовании не работаем.

— Это ограничение нужно сохранить. По дальней секции нужен осмотр на месте. Вчерашние испытания светильников к состоянию здания отношения не имеют.

— Я знаю, — сказала Вера. — Они показывают, что мы умеем закончить заказ на другой площадке.

Она передала три листа с результатами. Ей вдруг захотелось, чтобы в комнате увидели сам свет, а не только записи Михаила. Но доставать телефон с видео она не стала: сейчас спрашивали другое.

Когда дошли до фотографии муфты, Антон попросил придвинуть снимок. Вера положила рядом накладную в новом прозрачном файле и открыла журнал на нужной странице.

— По документам этот узел установлен позже даты осмотра. Разница — шесть дней. На фотографии в акте он уже стоит.

Антон прочитал запись, не беря журнал в руки.

— Фото могли приложить при обновлении пакета. Надо смотреть, какую версию вы получили.

— Тогда покажите версию и дату обновления, — сказала Вера. — Мы просили. Пока не получили.

Он повернулся к сотруднице с ноутбуком.

— Поднимем историю.

— И исходные фотографии, — добавила специалистка. — По этой распечатке я дату съёмки не устанавливаю. Оригинал журнала пока оставьте у себя. Нам нужна копия разворота без обрезанных соседних записей.

Елена придержала край, пока Вера показывала обе страницы. Глеб смотрел, как они делают привычную работу вдвоём. Ему больше не требовалось освобождать для них место, подхватывать лист или угадывать, что понадобится следующим. Он всё равно ловил себя на этих движениях.

— А у нас заказы вообще не спрашивали, — сказала женщина в синей куртке.

Рита нашла её объект в списке.

— У вас есть письменный ответ по этому вопросу?

— У меня есть письмо, на которое не ответили. Я отправляла. Дважды. Сейчас показать?

Она поставила чашку и взяла телефон. Пока искала, в переговорной было слышно, как ноготь стучит по стеклу.

— Вот. И второе. Я же не только после объявления пришла.

Сотрудница записала даты. Женщина посмотрела на Глеба.

— А С-14 вы сами смотрели? Нам сказали, руководители по помещениям не ездят.

Глеб поднял голову.

— Смотрел после аварии в воскресенье. Тогда я был там не по работе.

Рита не стала объяснять за него.

— У нас с Верой были близкие отношения, — сказал он. — О связи этого корпуса с её семьёй я узнал в воскресенье. В понедельник сообщил Рите о личной заинтересованности. В решении по мастерской Зориных участвовать не буду.

Женщина посмотрела на Веру. Потом ещё кто-то. Вера положила ладонь на открытую страницу, закрыв строку с чужим номером телефона. Ей хотелось, чтобы все снова смотрели туда, где была работа.

— А если бы отношения были у меня, — спросила женщина, — моё письмо бы тоже прочитали?

Глеб не ответил сразу. Вчера он мог подготовиться к вопросу Веры. Этого вопроса на его листе не было.

— Ваше письмо должны были прочитать без этого, — сказал он. — Я не могу сказать, что нашли бы ошибку вовремя, если бы не оказался в С-14. Поэтому проверять только С-14 нельзя.

— Удобно, — произнесла она. — Сначала нельзя, потом поздно.

Он принял это молча.

Вера убрала руку с журнала.

— Мои заказы тоже не становятся другими от того, с кем я встречалась. Я прошу рассмотреть их вместе с остальными документами. Не как личную просьбу к Глебу.

Рита кивнула сотруднице, которая вела запись.

— Так и фиксируем. Обращение мастерской, обычный порядок. Отдельно — личная заинтересованность Ветрова.

Глеб открыл свою папку. Вытащил сводку и полный отчёт, положил рядом, как вчера перед Верой. Теперь за столом было слишком много людей, чтобы следить за лицом одного человека.

— Это было доступно мне перед утверждением. В краткой сводке отсутствие сведений превратилось в вывод, что деятельность нецелесообразна. Я проверил формулировку, не проверил основание и утвердил программу. Моё согласие здесь. Его не нужно исключать из материалов проверки.

Один из руководителей потянул к себе письмо.

— Глеб, мы сейчас устанавливаем, кто подготовил неверную сводку. Твоё утверждение опиралось на представленные данные.

Глеб увидел, как легко можно было согласиться. Даже не потребовалось бы солгать. Достаточно добавить, что решение принимали при неполной информации, а уточнения поступили позже.

Он положил рядом полный отчёт.

— Эти данные тоже были представлены. Шесть недель назад. Я их не открыл.

Мужчина прочитал дату на первой странице. Поставил обе бумаги одна на другую, потом снова разложил рядом.

Рита попросила вывести на экран краткую сводку по другим объектам. Там повторялись те же короткие выводы. Что стояло за ними, за оставшееся до полудня время проверить было нельзя.

— Я предлагаю приостановить окончательное освобождение спорных площадок по этой программе, — сказала она. — До независимой проверки оснований. По всем сопоставимым случаям, не только по тем, чьи представители сегодня здесь. Технические запреты при этом остаются.

Антон откинулся на спинку стула.

— Подрядчики уже стоят в графике. Мы переносим передачу корпусов. Это расходы, а не просто новая дата в письме.

— Да, — сказала Рита. — Дополнительные осмотры, проверка документов, перенос работ. Часть ожидаемого дохода мы не получим. Я не предлагаю назвать это бесплатным.

Она повернула к Глебу предварительный расчёт. Он увидел знакомые строки, которых ещё вчера не было в этой версии бюджета. На их фоне плата Белову за стенд выглядела почти незаметной. Он подумал об этом и тут же вспомнил, как Вера считала деньги на перевозку. Для неё незаметных строк не было.

— Общую проверку оплачивает группа, — продолжила Рита. — У каждого арендатора будет возможность представить материалы, а не купить себе новый вывод. Это не обещание сохранить всем аренду или компенсировать любые потери. Условия по помещениям придётся разбирать отдельно.

— И сроки назвать, — сказала женщина в синей куртке. — А то пока вы независимо проверите, у меня люди разойдутся.

Договорились о первых выездах и промежуточном отчёте через неделю. Окончательного результата к этому сроку никто не обещал. Контакт для документов записали на экране, сотрудница повторила его вслух. Вера проверила адрес, чтобы позже не спрашивать у Глеба.

Затем Рита закрыла расчёт.

— О полномочиях. Глеб, индивидуального самоотвода по С-14 уже недостаточно. Ты утвердил весь пакет. На время проверки я предлагаю отстранить тебя от оперативного управления этой программой. Передать переписку, решения и поручения без отбора удобных материалов. Дальнейшую роль решим по результатам.

Он привык, что после такой фразы обсуждают, кто именно временно заберёт часть работы и как не потерять скорость. Сейчас речь была не о помощи ему.

— По другим объектам я могу обеспечить передачу без остановки текущих...

Рита подняла ладонь.

— Передачу — да. Продолжать руководить под видом передачи — нет.

Глеб посмотрел на свой телефон. На экране без звука появилось очередное рабочее сообщение с вопросом, на который от него ждали решения.

Он перевернул телефон.

— Согласен. Передам дела. До окончания проверки решения по программе принимаю не я.

Руководители уточнили, кому переходят текущие вопросы. Рита назвала ответственных и попросила прислать всем участникам подтверждение сегодняшних решений. Антон записал новые сроки. Возражать он не перестал, но теперь говорил о переносе конкретных работ, а не о том, можно ли вообще пересматривать программу.

Никто не поздравил Веру.

В одиннадцать десять она получила на почту короткое подтверждение: возражения приняты, окончательное освобождение спорных площадок приостановлено на время проверки, ограничения опасных работ сохраняются. Полный протокол обещали прислать после сверки. Она прочла письмо дважды и переслала Павлу.

Он ответил почти сразу: «То есть можно вернуться?»

Вера набрала: «Работать в мокрой секции нельзя. Объясню дома». Посмотрела на слово «нельзя», которое опять пришлось написать отцу, и только тогда убрала телефон.

В коридоре Елена остановилась у подоконника. Достала из сумки два завернутых бутерброда.

— Ты же не ела.

— Мам, здесь люди.

— Я заметила. Поэтому только два.

Вера села на край низкой скамьи. Впервые с утра засмеялась, коротко и устало. Есть не хотелось, но после первого куса оказалось, что хочется очень.

Глеб вышел, когда они уже собирались. На секунду остановился возле двери. Вера подняла глаза. Он не спросил, довольна ли она, не предложил подвезти.

— Подтверждение получила? — спросил он.

— Получила.

— Если в полном протоколе будет расхождение, напиши на общий адрес. Он в письме.

Она кивнула. Он вернулся в переговорную, где его ждали для передачи дел. Елена не посмотрела на дочь с вопросом. Свернула пустую бумагу от бутерброда и убрала в сумку.

Домой они добрались уже после полудня. Павел был в сухой приёмной. Отцовская кофта, которую Глеб оставил на стуле, лежала сложенной на полке. Павел не надел её.

Вера показала письмо. Он дочитал, спросил о сроке первой проверки, потом о станке. На этот вопрос нового ответа не было. Вера не стала искать другой способ произнести прежний.

Белову она позвонила в начале второго. Он подтвердил: личной оплаты от Глеба не получал, ремонт по его просьбе не оформлен. В документах на консультацию и вчерашний стенд заказчиком стояла мастерская. Вера попросила прислать ей копии напрямую.

— Пришлю, — сказал Белов. — А по времени могу дать пятницу, с десяти до двенадцати. Другого окна пока нет. Держать без вашего подтверждения до вечера могу, дальше отдам следующему.

— Стоимость и условия тоже пришлите. Я посчитаю и отвечу сегодня.

— Считайте. Только четыре оставшихся за два часа я вам обещать не буду.

— Я тоже не буду.

Она записала окно, но не обвела, как уже назначенную работу. Елена села считать транспорт и подготовку. Для нового места всё ещё требовались деньги, а вчерашняя поездка не могла повторяться бесплатно только потому, что оказалась удачной.

Марине Сергеевне Вера позвонила в пятнадцать сорок.

— Я обещала сегодня дать подтверждённый срок. У меня его пока нет, — сказала она. — Есть окно на испытательной площадке в пятницу. Оно короткое, и я не могу обещать, что за него закончим четыре оставшихся светильника.

Заказчица помолчала.

— Вера, я не могу каждую неделю говорить людям: ещё немного. Нам нужно понимать, открываем ли зал с вашим светом или ищем другой вариант.

— Я понимаю.

— Вы мне это уже говорили.

Вера прижала телефон плотнее к уху. На столе перед ней лежало подтверждение утреннего решения. Письмо, ради которого она собирала бумаги два дня, сейчас не давало ответа на самый простой вопрос.

— Да. Тогда давайте так. До пятницы я покажу, что именно можем закончить и когда. Если план вам не подойдёт, посчитаем невыполненную часть и обсудим возврат. Я не буду называть весь комплект готовым из-за трёх светильников.

— До пятницы, — сказала Марина Сергеевна. — До четырёх. Потом мне нужен выбор, а не ещё один промежуточный звонок.

— Хорошо.

Заказ остался у них ещё на два дня. Вера записала новый срок возле имени заказчицы и посмотрела на соседнюю строку: Лёше нужно ответить сервису завтра. Письмо реставрационного центра тоже ждало решения до пятницы.

Она открыла список помещений, который начала собирать вчера. Первый номер переписала на отдельный лист и протянула матери.

— Позвони сюда, пожалуйста. Я по второму. Сначала про пол и вход, потом про цену.

— Обычно начинают с цены, — сказала Елена.

— Если станок не пройдёт в дверь, цена уже не поможет.

Мать взяла лист. Павел, сидевший у стены, протянул Вере карандаш.

— Спроси, можно ли посмотреть сегодня. На словах у всех ворота широкие.

Вера набрала номер. Пока ждали ответа, она прижала к столу письмо о приостановке закрытия, чтобы сквозняк из двери не сдул его на пол. Сверху положила список станков. Теперь нужно было найти место, куда они действительно поместятся.

Имя на закрытой двери

Николай Ляшенко

Глава 9 Цена срока

Дверь оказалась на ладонь уже, чем обещали по телефону.

Павел приложил к косяку конец рулетки и посмотрел на Веру так, словно это она строила помещение. Она записала размер поверх вчерашнего, обвела и отступила, пропуская хозяина.

— Вторую створку можно открыть, — сказал тот.

— Можно. Только за ней кирпич, — ответил Павел.

Хозяин подёргал засов. Створка отошла на несколько сантиметров и упёрлась в кладку. Когда-то широкие ворота заложили с одной стороны, оставив снаружи прежнюю дверь.

— С виду и не скажешь, — произнёс он.

— Станку будем глаза закрывать? — спросил Павел.

Вера успела отвернуться к блокноту. Смеяться было нельзя: хозяин и без того начал раздражаться. Он показал им светлую комнату за перегородкой, отдельный вход, небольшой двор. Здесь пахло сухими досками, а не мокрой штукатуркой. Вера уже представила у окна стол Тамары Львовны.

— Тридцать две в месяц, — напомнил хозяин. — И столько же обеспечительный платёж. Воду отдельно посчитаем.

Елена стояла у подоконника с листком, сложенным вчетверо. Она не стала доставать его при постороннем.

— Спасибо, — сказала Вера. — Мы ответим после расчёта перевозки.

На улице отец ещё раз оглянулся на ворота.

— Можно станок разобрать.

— А потом собрать, — сказала Вера.

— Это я умею.

— Я знаю. Сколько времени?

Он не ответил. Взял у неё блокнот и вписал под размерами ещё одну строку: «Разборка, подъём, сборка». Поставил вопросительный знак.

Был четверг. Вчера вечером Вера подтвердила Белову пятничное окно: два часа стенда за четыре тысячи, перевозка туда и обратно — ещё три. Елена внесла расходы в заказ светильников. На стенд пошли деньги из клиентского аванса, предназначенные для этой работы, не внезапно появившийся свободный остаток. Теперь на её завершение оставалось меньше.

Копии от Белова пришли напрямую. Заказчиком в них действительно стояла мастерская. В полном протоколе «Меры», полученном поздно вечером, Вера тоже не нашла расхождений с утренним письмом. Она проверила оба комплекта, сохранила и закрыла почту. Ни один документ не отвечал, где поставить станки.

Они вернулись в сухую приёмную к одиннадцати. Лёша ждал у стола Елены, держа в руках свой серый чехол с инструментами. Не тот, где когда-то лежала старая муфта: обычный рабочий, с надорванной ручкой.

Вера сначала увидела чехол, потом его лицо.

— Ты уже ответил?

— Ещё нет. До двух надо.

Она положила блокнот на стол. Павел прошёл к полке, но остался в пределах слышимости.

— Я хочу согласиться, — сказал Лёша. — В понедельник выходить.

— Мы ещё даже место не выбрали.

— Я знаю.

— Хотя бы до переезда...

Он поставил чехол на пол.

— Вера, если бы у нас переезд был в субботу, я бы помог в субботу. А я не знаю, когда он будет. Они тоже не будут держать место.

Она раскрыла блокнот, будто внутри находился срок, которого не оказалось в её ответе. Там были две подходящие комнаты и четыре неподходящие. Ни одного договора.

— Ты мог вчера сказать.

— Я вчера не решил.

Вера подняла глаза. Он не отвёл своих. Ей стало стыдно за то, как быстро неопределённость мастерской превратилась в его обязанность ждать.

— Ладно. Что ты можешь закончить до понедельника?

Лёша присел к чехлу, достал тетрадь. Вера не знала, что он ведёт её отдельно от общего журнала. Там были размеры втулок, телефоны поставщиков, примечания к чужим старым приборам. На полях возле одного заказа — рисунок сердитой собаки.

— Это клиент? — спросила она.

— Нет, у клиента собака. Если поедете забирать, сначала позвоните.

Елена потянулась за ручкой.

Они разобрали незаконченные работы. В субботу Лёша обещал прийти на два часа, передать размеры и подготовленные детали. Не на неопределённое «пока всё не наладится». Вера записала время. Потом спросила, можно ли снять копии нужных страниц.

— Конечно. Я её для этого принёс.

Павел за спиной что-то переставил на полке. Вера ждала замечания о том, кто остаётся в трудную минуту. Вместо этого отец подошёл и показал Лёше одну из строк.

— Вот здесь ты шайбу оставил?

— В коробке, подписал.

— Покажи потом. И не забудь свой микрометр.

Лёша кивнул слишком быстро.

Когда он вышел звонить, Елена сообщила о двух отказах. Люди забирали вещи, к которым мастера ещё не приступили. Одним ремонт был нужен к выходным, другие не хотели везти прибор на новый адрес, которого пока не существовало. Авансы на две тысячи восемьсот лежали в отдельной строке. Елена оформила возврат, Вера подтвердила.

В журнале стало на два заказа меньше. Исчезли не только деньги: один из клиентов приносил вещи к Павлу больше десяти лет. Отец спросил, сам ли он позвонил. Елена сказала, что сам. Больше Павел ничего не спросил.

В пятницу на стенде успели проверить ещё два светильника — оставшийся узкий и один широкий. Последние два широких потребовали дополнительной подгонки до проверки. Михаил остановил работу ровно в двенадцать: следующая бригада уже ждала у входа.

Вера начала просить ещё четверть часа и осеклась, увидев на чужой тележке разобранный насос. У тех людей тоже что-то не работало.

Пять готовых светильников из семи. Теперь это было больше половины комплекта, но залу по-прежнему не хватало двух одинаковых широких плафонов.

Белов подтвердил следующее время — четверг, с десяти до тринадцати. До него оставалось шесть дней. Вера записала его подтверждение рядом с перечнем работ, которые они должны были сделать заранее без стенда. Входить в мокрую секцию и пользоваться там оборудованием никто не разрешал.

После возвращения она позвонила в реставрационный центр. Координатор ещё раз спросила, правильно ли Вера понимает условия: три месяца, два зала, работа по их графику.

— Правильно. Я не смогу взять весь срок.

— Совмещать у нас сейчас не получится.

— Я понимаю. Поэтому отвечаю сегодня.

Женщина поблагодарила за ответ без обиды и без уговоров. Вера положила телефон и некоторое время смотрела на экран. Ей хотелось, чтобы отказ оказался хотя бы замеченным жертвенным поступком. Но на другом конце просто перешли к следующему кандидату.

Она сама выбрала остаться. От этого выбор не стал лёгким и не давал ей права требовать того же от Лёши.

Марине Сергеевне Вера позвонила в половине четвёртого, разложив перед собой пять листов проверки и календарь.

— Пять готовы. Два подготовим к следующему четвергу. Стенд подтверждён с десяти до часу. Весь комплект предлагаю передать вам в пятницу до пяти вечера.

— В следующую пятницу?

— Да.

— А если опять что-то не получится?

Вера провела пальцем по краю календаря. Ответить «получится» было проще всего. За последние дни она научилась узнавать этот момент: когда собеседник ждёт уверенности, а у тебя есть только порядок действий.

— Я могу прислать результаты по пяти и перечень оставшегося. Если срок для вас уже поздний, давайте сейчас посчитаем невыполненную часть. Не буду удерживать заказ обещанием, которого вы не принимаете.

Заказчица попросила отправить документы и перезвонить через десять минут. Вера составила письмо, дважды перечитала его, убрала из конца «постараемся» и оставила конкретные часы. Отправила и стала ждать.

Марина Сергеевна позвонила сама.

— Открытие перенесём. На одну неделю. Вера, мне нужен весь комплект. Не пять сейчас, два когда-нибудь.

— Весь комплект. Следующая пятница, до семнадцати.

— Запишите это в письме. И если срок меняется, сообщаете сразу, не в пятницу в половине пятого.

Вера записала. Нового аванса не попросила. Полученная неделя стоила заказчице другого графика и разговоров с людьми; её нельзя было снова потратить, как ничью.

В субботу Лёша пришёл без чехла. Передал детали, показал Павлу коробки и забрал микрометр. На столе оставил копии страниц, скреплённые двумя разными скрепками. Вера положила их в рабочую папку. Они обнялись у двери, неловко задев друг друга локтями.

— Если там не понравится... — начал Павел.

Вера посмотрела на него.

— Звони, — закончил он. — Просто звони.

После обеда они поехали смотреть бывшую переплётную. На этот раз с ними была Тамара Львовна. Она вышла из автобуса на одну остановку раньше, проверяя дорогу пешком, и пришла раньше остальных.

— Семь минут, если не бежать, — сообщила она. — Зимой посмотрим.

Хозяйка открыла небольшой зал с высокими окнами. Вдоль стены стояли стеллажи, посередине — два пустых стола. За перегородкой ещё оставались коробки прежних арендаторов.

Полный зал стоил двадцать шесть тысяч в месяц, столько же требовалось внести вперёд как обеспечение. Елена записала сумму. Она была ниже четверговой, но от этого не становилась доступной.

— Нам сейчас нужны столы для сборки и сухое хранение, — сказала Вера. — Тяжёлое оборудование сразу не повезём. Пока не проверим пол и возможность подключения.

— Тогда можете начать с этой части, — хозяйка показала пространство до перегородки. — На неделю. Пять тысяч. Место освободится к среде. Дальше либо договариваемся по залу, либо вывозите. Мне тоже пустым держать невыгодно.

Павел прошёл от входа к окну, считая шаги. Остановился там, где мог бы стоять его станок. Вера заметила это, хотя он ничего не сказал.

— На неделю это не мастерская, — произнёс он наконец.

— Для светильников хватит, — сказала Тамара Львовна. — Мне бы свой стол сейчас.

Она выдвинула стул, села, проверяя высоту. На пустой стол легли её ладони. Вера впервые за день увидела не помещение, за которое надо заплатить, а человека, который сможет здесь работать.

Они договорились получить условия письменно. Только сборка без работы на оборудовании и хранение; стенд оставался у Белова. Вопрос о тяжёлых станках требовал отдельной проверки. За первой неделей должны были последовать деньги или выезд.

В машине Елена сказала, что утром поступили шесть тысяч за давно выданный ремонт. Она дважды звонила заказчику на этой неделе. Из них можно было оплатить временное место, но не полноценный переезд и не зал на месяц.

— Старый долг так и остаётся, — добавила она.

— Я помню, — сказал Павел.

Это прозвучало без прежнего обещания, что он всё решит. Елена развернула лист, и они стали считать оставшуюся тысячу, перевозку, упаковку. Вера не стала доставать телефон, чтобы искать человека, для которого эти суммы ничего не значили.

Глебу она написала только вечером. Приложила обмерный план, размеры двух столов и стеллажей. Попросила проверить, поместятся ли они с проходом для ящиков. Отдельно указала: с хозяйкой не связываться, условия не обсуждать, ничего не оплачивать.

Перед отправкой хотела убрать последние три пункта: слишком похоже на выговор. Потом оставила. Она просила о работе, на которую была готова согласиться, а не проверяла, догадается ли он о границах.

Ответ пришёл утром. Глеб отметил, что проход возле стеллажа получится уже самого широкого ящика; предложил повернуть стол. Про станки написал отдельно: по рисунку нельзя подтвердить ни допустимую нагрузку на пол, ни возможность подключения. Нужны специалисты на месте.

Он не прислал адрес получше. Не добавил, что всё уладит. В конце стоял один вопрос: нужно ли пересчитать вариант с другим столом.

Вера ответила, что пока достаточно. Закрыла письмо, снова открыла и скачала исправленную схему. Неприятное облегчение от того, что просьба осталась просьбой, было слишком маленьким, чтобы называть его доверием.

В понедельник Лёша вышел в сервис. В мастерской остались трое мастеров. Елена принимала звонки и отдельно отмечала работы, за которые без него теперь нельзя было браться. Вера один раз услышала от неё: «Нет, этот срок не подтвердим». Потом мать положила трубку и молча перевернула карточку заказа.

Павел попросил не класть отказы поверх журнала. Елена подвинула их в сторону, но не убрала в ящик.

Во вторник приезжали независимые специалисты. Семья передала копии документов; оригиналы показывали на месте. В мокрую секцию Вера не входила. Проверяющие работали в разрешённом им порядке, а она ждала снаружи вместе с отцом. Он пытался разглядеть свой станок через открытый проём, пока специалист не попросил закрыть дверь.

В среду пришёл промежуточный отчёт — ровно через неделю после рассмотрения. Вера читала его в приёмной, где половина стола уже была занята коробками.

Исходный снимок муфты относился к более позднему выезду. Данные поставщика и запись Лёши о получении узла совпали. В истории пакета обнаружились две редакции: новая фотография появилась в поздней, а дата на титульном листе стала датой первого осмотра. Загрузку этой редакции выполнили из рабочего кабинета Антона.

Ниже было указано, что ему направлены материалы для объяснений. Его ответ приложили рядом, а не пересказали одной строкой.

Антон подтверждал, что собирал окончательный пакет. Писал, что считал первую дату началом обследования, а поздние фотографии — дополнением. Отрицал, что хотел представить новый дефект обнаруженным раньше. Просил учитывать переписку с технической службой и сроки подготовки общей ведомости.

Вера перечитала ответ. В нём не было слов о её работе, о семи светильниках, о долге поставщику. Был график передачи корпусов, который Антон боялся сорвать. Она знала, как выглядит срок, под который начинаешь подгонять всё остальное. От этого ей не стало легче читать чужое объяснение.

— Значит, он? — спросил Павел.

— Пакет собирал он. Что именно сделал с датой и почему, ещё проверяют.

— Сам же написал.

— И приложил переписку. Пусть проверят её тоже.

Отец отодвинул лист. Вере хотелось уже иметь одного человека, которому можно вернуть все последние дни. Но рядом с ответом Антона лежало согласование Глеба. Настоящее, не исправленное задним числом.

По зданию окончательного заключения ещё не было. Ограничения сохранялись. Приостановка освобождения тоже оставалась в силе: промежуточный отчёт не закрывал проверку и не возвращал Глебу оперативное руководство.

Рита прислала ему те же материалы через рабочую почту. Он прочёл ответ Антона, затем открыл собственное согласование. Несколько минут смотрел на короткую фразу, которой когда-то хватило, чтобы пропустить дальше весь пакет. Потом отправил проверяющим запрошенную переписку целиком. Вере писать не стал: у неё уже был свой экземпляр.

К вечеру Зорины получили ключ от временной части переплётной. Оплатили неделю из поступивших шести тысяч, сверили письменные условия. Это были два стола и место под коробки, не новая мастерская целиком. Договор на весь зал предстояло обсуждать отдельно, когда они поймут, чем платить и что можно туда перевезти.

Тамара Львовна вымыла столы. Елена подписала коробки с бумагами. Вера прикрепила у входа схему, присланную Глебом, и переставила стеллаж так, чтобы широкий ящик проходил свободно.

Два незаконченных светильника они привезли с собой в ручных коробах. Пять проверенных пока оставались в сухой приёмной С-14. На четверг заказали машину к восьми: сначала отвезти эти пять на новое место, забрать два подготовленных для проверки и успеть к Белову к десяти. Вера свела поездки в одну, чтобы не платить за отдельный рейс.

— Упакуем сегодня? — спросил Павел.

Она посмотрела на часы. Нужно было ещё закончить ручную подгонку двух широких плафонов за новым столом, потом сверить листы для стенда. Пять проверенных светильников оставались в старой приёмной, целые, с бумажными бирками.

— Эти два доделаем сейчас. Остальные утром. Если придём в половине седьмого, успеем.

Павел взял пустую коробку, примерил к ней прокладку и поставил рядом. Не стал спорить.

Вера ещё раз проверила в календаре пятницу, семнадцать ноль-ноль. Потом вычеркнула отдельную строку «перевозка светильников» и провела стрелку к утреннему рейсу. На бумаге всё поместилось.